

ИВАР РАВИ

ТИТАН
ПРОТИВОСТОЯНИЕ

Ивар Рави

Титан: Противостояние

«Автор»

2024

Ивар Рави

Титан: Противостояние / Ивар Рави — «Автор», 2024

Преодолев огромное расстояние, Максим Серов вместе с пилотом звездолета добирается до окраин империи Русов. За прошедшие 150 лет ситуация сильно изменилась, власть в империи Русов принадлежит староверам, попавшим в мир Макса из 1913г. С севера возникла угроза вторжения Дойчей, народа, возникшего от нацистов и местных племен. Единственным островком, где Макс может чувствовать себя в безопасности, является Берлин, ведущий полунезависимую политику. Макс и секта "Возвращение" начинают трудное противостояние с врагами, нависшими над Берлином и пограничным городком Мехик

© Ивар Рави, 2024

© Автор, 2024

Содержание

Глава 1. Память	5
Глава 2. Ревизия	10
Глава 3. Дипломатический скандал каменного века	15
Глава 4. К северной границе	20
Глава 5. Мехик	25
Глава 6. Как всегда, дело в женщине	30
Глава 7. Противостояние	35
Глава 8. Мышеловка	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Ивар Рави

Титан: Противостояние

Глава 1. Память

Стоя на носу «Зерга», торговой шхуны Берлина, я с волнением всматривался в приближающийся берег. Справа по борту миновали отмель – ту самую, где в свое время застряла «Стрела» после смерти Лара. Эта смерть была на моей совести: поверив в собственную непогрешимость, я попался в искусную ловушку Джона Картера. А ведь к тому моменту у меня был двадцатилетний опыт жизни в каменном веке. Позади – мое знакомство с дикой планетой, первые контакты с первобытными людьми, прогрессорство. К тому времени считал себя матерым воином и правителем, присоединив к Русам народ Амонахес, потомков англичан с парусника «Аталанта».

По совету профессора Александрова перенес столицу из Плажа, расположенного в Ливане, на юго-восточное побережье Франции, заложив город Максель в устье реки Роны. Русы становились цивилизованнее, у нас появились зачатки государственности, первые институты власти. И так глупо попасться в ловушку, где сложили головы лучшие из моих воинов!.. Картер от возмездия не ушел: был повешен в собственном селении. Интуиция подсказала мне доверить управление племенем Урха его напарнику, мексиканцу Пабло Мендосе.

С тех пор прошло много лет – куда больше, чем хотелось. Чтобы сильнее привязать к себе Мендосу, женил своего сына на его красавице дочке. Сразу после свадьбы и появился звездолет «Последний шанс» с тремя красавицами на борту. Ната Сорока, пилот космического корабля, – единственная, кто выжила из экипажа звездолета, моя жизнь тоже была спасена ее усилиями.

– Это и есть Берлин? – Ната отвлекла меня от воспоминаний.

– Да, его портовая часть, но город реально значительно вырос с момента моего последнего посещения, – обнял девушку.

А как ему не стать больше, если прошло сто пятьдесят лет? Всё случилось с появлением того звездолета, пилотом которого была Ната. За время моей жизни в каменном веке в параллельной Вселенной, произошли революционные изменения. Люди научились летать к звездам, открыли порталы в параллельные Вселенные. Само население разбилось по Униям – содружествам стран с общностью языка и интересов. Унии открывали временные промежутки существования условий для жизни на нашей планете, и одним из таких периодов было время, в котором я жил в каменном веке.

Чтобы доказать свои притязания на право существования цивилизации Русов, следовало предстать перед Галактическим Советом Уний и закрепить права Русов на планету. Но на выходе из портала в будущее время нас поджидал межзвездный крейсер Франко-Германской Унии, имевший свои притязания на этот временной промежуток планеты в параллельной Вселенной. Ната приняла решение скрыться через портал, а крейсер применил оружие, приведший к взрыву портала.

В спасательный модуль Ната успела затащить только меня. Мы приземлились в зимнее время года в районе Фарерских островов. Но самое страшное заключалось в другом: с момента нашего взлета и экстренного приземления прошло больше ста пятидесяти лет.

Потом – долгое и тяжелое возвращение в Максель, оставленный мной волею судьбы сто пятьдесят лет назад. По дороге домой мы сталкивались с дикарями, подверглись нападению медведя, гостили у небольшого и дружелюбного племени Элтов. Едва не утонув в болоте,

удачно миновав разъезды потомков нацистов, основавших свое государство на исторических землях Германии, мы добрались до границы империи Русов.

Настоящие проблемы начались именно там, где мы рассчитывали на встречу с распротертыми объятиями. Нас обвинили в приверженности запрещенной секте и приговорили к смертной казни. Но не всё Русы, забыли кто такой Макс Са. Усилиями настоящих патриотов мы Натой получили свободу. Рукописи Зика, моего первого ученика и сподвижника, освоившего письменность и лекарство, пролили свет на изменения в империи Русов.

Вскоре после моего отлета внезапно заболел и скончался Миха – мой первенец и правитель Макселя. Нел, моя любимая жена и верный соратник, ненадолго пережила сына... Оба американца вместе с сыновьями Мии вышли на паруснике, чтобы оказать мне помощь. Крик о помощи ментально получил Санчо, мой приемный сын-неандерталец. Первоначально воспринял их стремление найти меня как любовь ко мне. Но дальнейшее развитие событий натолкнуло на мысль, что всё это могло быть подстроено.

После ухода парусника с моими сыновьями и друзьями вся полнота власти осталась в руках у четвертой жены, Сед, – дочери профессора Александрова. Из записей Зика следовало, что с обязанностями правителя Сед справлялась посредственно.

Пару лет спустя к Макселю подошел пароход, везущий часть сектантов-«христоверов» из Латинской Америки обратно в Россию. Во время моих приключений по прибытию к границам империи Русов удалось поговорить с Патриархом «христоверов» столетним Никоном. «Христоверы», со слов Никона, преследовались на Родине и были вынуждены переселиться в Латинскую Америку. Но часть из них спустя некоторое время решила вернуться. Именно Патриарх смог объяснить, каким образом власть перешла в их руки. Лидер прибывших сектантов по имени Тихон женился на Сед, и положил начало династии Тихонов.

Вновь прибывшие пытались навязать Русам свой вариант христианской религии, но встретили ожесточенное сопротивление. Пойдя на компромисс, они объявили меня Сыном Бога Иисуса, сделав меня смертным. Часть Русов приняла новую измененную религию, где фигурировало имя Макс Са. Чтобы окончательно закрепить свои успехи, меня объявили умершим, мое Возвращение и упоминание о нем – ересью.

Но Русы оказались сильнее: среди них уже пятое поколение существовало движение «Возвращение», ждущее второго прихода Макс Са. Последователей Движения ловили, сжигали на кострах, но сломить волю этих людей «христоверам» не удалось. Именно они во главе с праправнуком Зика, освободили меня и Нату из когтей местной инквизиции.

После долгих раздумий мы решили начать свою борьбу с Берлина, где потомки Пабло Мендосы сумели сохранить независимость, не дав распространиться новой религии.

На торговой шхуне «Зерг» капитана Балта из Берлина мы отправились в путь. Корабль инквизиции попытался нас догнать. Молния, ударившая в судно преследователей, превратила его в пылающий факел и дала столь нужные доказательства всем на корабле: перед ними – Великий Дух Макс Са!

– Макс Са, ты сразу выйдешь на берег – или мне доложить правителю Терсу, что прибыл Великий Дух? – капитан Балт смотрел на меня с благоговением. Еще сутки назад, во время нашего преследования, он скептически отнесся к моим словам. Но молния сделала из него моего соратника: преклонив колени, Балт поклялся служить мне преданно, не жалея жизни.

– Я подожду на шхуне. Думаю, правителю надо знать о моем приезде раньше, чем мое имя донесет до него толпа людей.

– Понял, – четко отрапортовал Балт, наблюдая, как швартуется его шхуна. Затем Барт, не дожидаясь сходней, ловко перепрыгнул на причал и заспешил в сторону города.

С борта «Зерга» я с любопытством осматривал открывающиеся виды города. Берлин стал городом, ни в чем не уступающим Макселю. Обустроенный причал длиной около двухсот метров. Толпы людей, снующих по порту, три торговых корабля, стоящих под погрузкой.

Везде слышались крики и ругань, владельцы торговых судов торопили грузчиков, бегающих по сходням с грузом на спине. С обеих сторон причала были выстроены широкие башни-форты, сквозь бойницы виднелись жерла пушек. Пару пушек заметил и в порту Макселя, но в Берлинском порту артиллерии было явно больше.

– Макс Са! – впервые Богдан обратился ко мне по имени. Он стоял вместе с братьями, смиренно склонив голову и ожидая от меня ответа.

– Да, Богдан, чего ты хотел?

– Макс Са, – повторил гигант, – когда мы присоединились к Тебе, чтобы уплыть из Макселя, я не верил, что Ты и есть Великий Дух Макс Са. Я не знаю, Сын ты Бога или нет, но своими глазами видел знак свыше. Бог покровительствует Тебе, защищает Тебя – значит, Твое дело правое. Мы хотели просто доплыть до Берлина и осесть здесь, но Божий знак всё изменил, – гигант замялся, не находя слов. Братья слегка подталкивали его к действиям, но Богдан словно разучился говорить. Он несколько раз открывал рот, и снова наступала тишина.

– Ты хочешь быть рядом со мной? – спросил у гиганта, покрасневшего от усилий найти нужные слова.

– И твои братья тоже?

– Да, – удалось выдать Богдану. Это слово согласия сняло барьеры, и парень заговорил уже спокойно:

– Я и мои братья хотим отдать свои жизни, защищая Тебя, если Ты доверишь нам честь быть рядом с Тобой.

Это заявление меня немного озадачило: я рассматривал Баска в роли персонального телохранителя, но сразу пятеро гигантов, чей вид может отбить даже помыслы навредить мне... На такую удачу не рассчитывал. Братья были неразговорчивы, держались особняком. У меня оставалось подозрение, что они просто воспользовались возможностью и решили выбраться из Макселя.

– Хорошо, Богдан, будьте рядом. Без причины людей не обижать, – напутствовал я великана, оскалившегося в довольной улыбке.

Скрыть от людей мое прибытие не удалось: пара матросов Балта, собрав вокруг себя зевак, рассказывали о произошедшем. Толпы вокруг рассказчиков стремительно увеличивались, поглядывая на наш корабль. Прошло около двадцати минут, пока мы на палубе обсуждали дальнейший план действий в ожидании возвращения Балта. Со стороны города послышалось лошадиное ржанье: отряд из десяти всадников вылетел с городской застройки, направляясь к порту. Немного отстав от отряда, скакал Балт, болтаясь в седле, словно манекен.

– Правитель Терс! – услышал я возглас одного матроса, стоявшего недалеко от меня. Подскакав к порту, молодой парень осадил лошадь, выбивая подковами искры о булыжники. Молодецки прыгнув с лошади, парень вбежал по сходням на шхуну:

– Где Великий Дух Макс Са?

Все взгляды обратились на меня: ловко пробравшись между моими воинами. Нагло оттерев в сторону Богдана, мужчина преклонил колени:

– Благослови меня прикосновением, Великий Дух! Я, Терс из рода Мендоса, Твой смиренный служитель, с самого рождения ждал Тебя. – Парень наклонил голову, ожидая моих слов. Положив руку на голову коленапреклоненного правителя, едва сдерживая волнение, обратился к нему:

– Встань, Терс из благородного рода Мендоса! Ты – настоящий воин, как и твой далекий предок Пабло!

Мужчина поднялся, взглянул на меня: в его глазах блеснули слезы. Я притянул к себе Терса, удивительно похожего на своего предка: тот же разрез глаз, курчавые черные волосы, даже цвет кожи не изменился.

– Как же ты похож на Пабло! – я не смог сдержать своего удивления. Терс порывисто обнял меня, вытер слезинку рукавом длиной красной рубахи:

– Макс Са, Твой дворец ждет Тебя. Тебе надо отдохнуть с дороги, поесть, принять омоение. Мои слуги целиком в Твоем распоряжении.

Мы сошли на берег, мне подвели жеребца. На нем было седло, а вот стремян не оказалось. Породистый скакун не стоял на месте, гарцуя от нетерпения и избытка сил. Трезво оценив свои навыки наездника, решил отказаться от унижения, свалившись на глазах у всех.

– Пойдем пешком, Терс. Хочу посмотреть, как изменился Берлин.

Жеребца увели, мы с Терсом двинулись в путь. Богдан с братьями оттер в сторону сопровождавших правителя воинов, многозначительно поиграв огромным топором. Ната взяла меня под локоть, чтобы не потеряться в этой толпе. Бакс и остальные Русы следовали в нескольких метрах от нас, переговариваясь с воинами из охраны Терса.

– Терс, я слышал – Пабло не впустил в Берлин прибывших в Максель сектантов. Как вам удалось столько времени противостоять им?

– Они пробовали, но мой предок один раз дал им сражение. После этого бывали мелкие стычки, но до войны не доходило. Мы отправляем налог, они сильнее нас, – извиняющимся голосом констатировал молодой правитель, – но во всем остальном сами распоряжаемся, – добавил он уже уверенным голосом. Текс горел желанием досадить Макселю, о чем недвусмысленно дал понять, спросив, когда я планирую атаковать и наказать проходивцев. Для меня же угроза с севера была куда ощутимее и важнее, всё это время не забывал о напавших на деревню Элтов.

– Ты встречался с немцами? – Этот вопрос для меня был главным. Само слово «немцы» Терсу не было знакомо. Но он знал, что к северу, за горными хребтами, есть люди, имеющие на вооружение луки, копья, экипированные в доспехи. Год назад у них произошёл бой с таким отрядом, противник был разбит, а их командир попал в плен.

– Где этот пленный? – он нам нужен! – перебивая Терса, воскликнул я.

– Он погиб. Они работали, но попали в бурю. Скорее всего, утонул. Два наших Руса тоже погибли в этот день, – ответ Текса меня расстроил. Исчезла возможность допросить пленного, чтобы узнать силы и возможности противника. Мы прошли всего пару улиц, вышли на небольшую площадь, упирающуюся в каменную крепость, возвышавшуюся над городом. Обнесенная высокой стеной, она выглядела неприступной и величественной.

– Твой дом, Макс Са, мой дед убрал дом из дерева и сделал его из камня. Там никто не живет, но он всегда ждал Тебя. Мы не знали, когда Ты вернешься, поэтому всегда держали его готовым, – слова Терса меня поразили.

Это то самое место, где Пабло выстроил для меня небольшой форт, окруженный частоколом. Из дальнейших пояснений правителя Берлина следовало, что Пабло, умирая, завещал держать дом Великого Духа в полной готовности. Дед Терса на свой страх и риск решил заменить деревянное строение каменной крепостью.

Мне пришлось отвернуться, чтобы скрыть слезы умиления, невольные выступившие на глазах. Это же как надо верить в меня, чтобы на протяжении полутора сотен лет держать крепость в такой степени готовности!

– В Берлине нет дома выше него. Как можно строить свой дом выше дома Великого Духа?.. – пояснил Терс на мой вопрос о больших размерах крепости. У ворот крепости находилось двое вооруженных воинов, а внутри была прислуга из двух женщин: повара и служанки. Не веря своим ушам, я внимательно слушал Терса: каждый день обе женщины приходили, чтобы протопить крепость и убрать пыль из комнат.

– Это сказка, ведь такого не может быть? – не выдержала Ната, делаясь своими впечатлениями. Пришло время представить свою женщину Терсу. Глаза правителя расширились, когда

подросток оказался женщиной. Подозвав служанку, он дал указание позаботиться о жене Великого Духа, пока мы совершали обход крепости.

Возведена она была с умом: нижний этаж был залой для приема и помещениями для охраны, кухни и комнатами для слуг. Второй этаж отводился под покои, а третий представлял из себя донжон, в котором можно было укрыться в случае осады.

– Терс, нам надо поговорить с глазу на глаз. Пусть принесут еды, обсудим важную проблему за трапезой. – Исполнительская дисциплина была поставлена на высочайшем уровне в хозяйстве потомка Пабло. Едва с моих уст слетело пожелание, как свита Терса пришла в движение, выполняя указания. Мой дворец, – или скорее зимняя резиденция, так как Берлин находился севернее, – превратился в растревоженный муравейник.

Материализовался стол, стулья, спустя полчаса мы уже сидели за столом. Компанию нам составила успевшая привести себя в порядок Ната в довольно нарядном одеянии. Богдан с братьями и охрана Терса осталась за дверями: следовало расставить акценты в отношении с Терсом, а для этого лишние уши нежелательны.

Немного утолив голод, отсел от стола:

– Терс, чтобы, между нами, не оставалось в дальнейшем недоразумений, предлагаю заранее решить некоторые вопросы.

– Какие, Макс Са?

– Ты – правитель Берлина, мое появление не означает, что собираюсь ущемлять тебя в твоих правах. Но я – Макс Са, Великий Дух, тот, кто создал всё это – Берлин, Максель и всё остальное. В империи не бывает двух правителей, ты меня понимаешь?

– Конечно! – От волнения, юноша встал. – Макс Са, со времен моего далекого предка Пабло, мы всё занимали это место, дожидаясь Тебя. Мой отец говорил мне: когда вернется Макс Са, ты будешь делать то, что Он велит. Скажет тебе пасти домашний скот – значит, будешь пасти. А ему так говорил его отец. И так было всегда, со времен нашего предка Пабло из рода Мендоса. Я что-то сделал не так, Великий Дух, что у Тебя появились сомнения в моей преданности?

– Нет, Терс, но всегда лучше всё обговорить заранее. Всё остается без изменений, ты управляешь городом и окрестностями, собираешь налоги, ведешь торговлю, живешь в своем дворце. Но всё это мое, и это надо помнить. Ты отчитываешься мне, любой серьезный вопрос обсуждаешь со мной. После того как вернусь в Максель, ты останешься управлять Берлином так же, как им управляли твои предки до тебя.

– Макс Са, разве могу противоречить или сомневаться в словах Великого Духа? Если бы не Ты, все наши Русы были бы дикими племенами, жили бы, как дикари. Ты говоришь – я и всё Русы слушаются, – закончил мысль Терс. Его попытку преклонить колени я пресек.

– Не надо, Терс, это лишнее. Сейчас меня интересует самый главный вопрос: сколько у нас воинов, лучников, пушек и как много людей мы сможем обучить воинскому делу в очень короткое время. Зови сюда своего военачальника, нам предстоит разработать стратегию победы.

Глава 2. Ревизия

Военачальником у Терса числился некий Борд – крепкий статный мужчина сорока лет с посеребренными возрастом волосами на висках. Он вошел в комнату с достоинством, как и подобает человеку, за плечами которого маячит армия.

– Борд, это Великий Дух Макс Са, – представил меня Терс вошедшему. Командующий армией Берлине просканировал меня цепким взглядом, почтительно наклонил голову:

– Мы всё время ждали Тебя, Макс Са. – Потеряв интерес к моей персоне, Борд повернулся к Терсу:

– Ты посылал за мной, правитель? – Это был вопрос и утверждение одновременно. Мне импонировала манера командующего: уверенный в себе человек. Пожалуй, даже чересчур, сбить с него немного уверенности не помешает. Будь Бер сейчас рядом со мной, он бы в две секунды преподал урок Борду, каким тоном надо разговаривать с властью имущими. Но Бер отсутствовал, был Богдан с братьями и молодые воины-Русы, готовые порвать глотку любому.

– Ты нужен мне, Макс Са. Расскажи, сколько у нас воинов, пушек, где стоят дозоры и патрули.

– Великому Духу интересны такие вещи? – с притворным удивлением повернулся ко мне командующий. «Вот это уже перебор», – мысленно крикнул я, окончательно принимая решение наказать наглеца.

– Великому Духу интересно всё, – медленно и почти по слогам ответил Борду, – и особенно ему интересно, в каких условиях живут воины и как они обеспечены едой.

В глазах командующего мелькнула досада, но к его чести, он сдержался:

– Как будет угодно Великому Духу. – На этот раз тон был куда почтительнее. В течение часа гонял местного Наполеона вдоль и поперек, пока не получил ответы на всё свои вопросы.

Берлин располагал солидной армией: неудивительно, что Максель не пытался задавить вольнодумцев, предпочитая формальное руководство. Пеших воинов, основу которых составляли закованные в броню копейщики, было около пяти сотен. Точное число назвать Борд затруднился в связи с тем, что часть людей направлена в патрули, а в самой армии случались несчастные случаи. Два отряда по семьдесят пять человек являлись лучниками. Со слов Терса, берлинские лучники по мастерству и выучке превосходили максельских. Пушек – двенадцать: четыре охраняли порт города, остальные восемь располагались на дальней заставе, организованной еще во времена Пабло.

Бывший ЦРУшник времени даром не терял, организовав у самого предгорья Альп мощную крепость-заставу, превратившуюся в небольшой городок. Следуя традиции давать городам названия из прежнего мира, Пабло назвал крепость Мехико. Со временем буква «о» отпала, и теперь город-крепость именовалась Мехик. По допотопной карте сориентироваться было трудно. Единственное, что удалось понять: данная застава расположена на северо-востоке, перекрывая возможный путь наступления неприятеля. Именно в ее окрестностях и произошло столкновение с отрядом хорошо экипированных незнакомцев, павших под ударами Русов. С северной стороны Мехик защищали неприступные Альпы, с юга тянулись непроходимые болота, в которых сгинул не один смельчак.

В крепости на постоянной основе находились двадцать лучников и сорок пехотинцев.

– Этого количества мало. Странно, что на крепость не нападали, – высказал вслух свои сомнения.

– Крепость можно атаковать с единственной стороны: слева – горы, справа болота подступают прямо к стенам, – Терс включился в беседу, показывая на самодельной карте, где именно крепостная стена перегораживает проход.

– После того как наш патруль столкнулся с вражеским отрядом, перевез туда восемь пушек, – Борд отвечал обстоятельно, со знанием дела. – Кроме того, там есть наш отряд всадников под командованием младшего брата нашего правителя.

– Сколько всадников в Мехике?

На мой вопрос Борд поморщился, но ответил сразу:

– Десять. У Макс Са есть еще вопросы? – В словах командующего послышалась завуалированная издевка. Борд перешел все границы. Спущу ему такую наглость – завтра никто не станет считаться со мной.

– Ты хороший воин, Борд? – Вопрос застал военачальника врасплох. Он даже приоткрыл рот от удивления, но быстро взял себя в руки.

– В Берлине немного воинов, которые смогут противостоять мне в бою, – хвастливо прозвучало из уст командующего.

Терс, даже будучи молодым правителем, понял, что я недоволен. Он попытался загладить оплошность и наглость своего командующего, предложив мне конную прогулку по окрестностям Берлина, но я отмахнулся:

– Потом, Терс. Сейчас я хочу посмотреть, достоин ли Борд командовать воинами Берлина.

Не давая времени возразить, встал со стула и скомандовал:

– Пошли во двор, хочу проверить так ли хорош Борд, как он сам считает.

Переглянувшись, Терс и Борд последовали за мной. Двор моего дворца-крепости был вымощен булыжником, что меня даже обрадовало. Тем больнее будет падать Борду, пора выбить из этого мешка с дерьмом всю его спесь. Богдан с братьями взял меня в плотное полукольцо, настороженно оглядываясь по сторонам. Гигант интуитивно почувствовал, что в воздухе назревает дракой.

– С кем мне вести бой, Макс Са? С ним? – Борд не испугался габаритов Богдана и его огромного топора.

– Нет, я хочу сам провести с тобой бой, чтобы убедиться, что ты хороший воин. Ты будешь драться с мечом, я же – без меча, – добил ошарашенного противника.

– Макс Са!.. – одновременно воскликнули Богдан, Терс и Баск.

– Спокойно, ребята, дайте ему учебный меч, если так боитесь за меня. Борд, у тебя есть время подготовиться, – отойдя от толпы, начал разминку, растягивая руки и ноги. Ошарашенные Русы смотрели на непонятные движения с вытаращенными глазами. Пока я растягивался, принесли деревянный учебный меч с клинком около полуметра. Терс предпринял попытку отговорить меня от боя, в то время как Богдан взирал на всё довольно спокойно.

– Ты готов? – спросил Борда, поигрывающего учебным мечом.

– Макс Са, это будет нечестный бой. Кроме того, Ты – Великий Дух, разве правильно биться с Тобой? – Борд сделал попытку пойти на попятный.

– Раньше надо задумываться! Нападай – или я буду считать тебя трусом, – презрительно бросил противнику, заставив того вспыхнуть от гнева.

Гнев – плохой спутник для воина и никчемный советник. Борд рванул вперед, замахиваясь для рубящего удара. Воины каменного века, даже лучшие в своем деле, всегда пытаются решить вопрос наскоком. Вот и мой соперник совершил ту же ошибку: шагнув влево, пригнулся, пропуская над головой удар. Выпрямляясь, правым хуком вложилась во всю свою силу. Борд, не имевший понятия о боксе и не видевший угрозы в безоружном противнике, свалился кулем, ударившись головой о камни. Меч вылетел из рук, а сам он не подавал признаков жизни.

Оттянув веко, убедился, что мужчина в глубоком нокауте: из уголка его губ текла слюна, окрашенная кровью. В абсолютной тишине перевернул Борда набок, чтобы язык не запал в глотку. Борда вырвало, но в сознание он не пришел. Видимо, основательно ударился головой

о камни двора. На его подбородке начал наливать лиловый синяк: всё-таки вложился в удар конкретно. Только сейчас почувствовал, как ноют костяшки пальцев.

– Отнесите его в казарму, пусть сегодня не встает. Еды не давать, пить можно, но только совсем немного, – отдал указание воинам, взиравшим на сцену скоротечного боя с немым изумлением.

Первым в себя пришел Терс:

– Макс Са, что это было? Ты без меча, одним движением отправил лучшего воина Берлина в Поля Вечной Охоты, – в голосе правителя Берлина был благоговейный ужас, граничащий со страхом.

– Это был хук, – растирая костяшки пальцев, смотрел, как четверо воинов уносят своего командира. Думаю, урок пойдет ему впрок, если он не получил травмы головы при падении на камни площадки.

– Макс Са, а можешь дать мне такой хук, – Терс выглядел как мальчишка, просящий Деда Мороза принести ему подарок.

– Потом, Терс, потом. Нам надо усилить гарнизон Мехика. Кроме того, мне нужны все кузнецы и люди, знающие, как стрелять из пушек. А боксом, я тебе обещаю, тоже будем заниматься, как отобьемся от врага.

Следующие несколько часов провел с пушкарями: положение дел в этой отрасли было плачевным. Из шести пушкарей только двое имели реальный опыт стрельбы. К пушкам относились как к декоративному элементу: их чистили, периодически передвигали на новые места, но учебных стрельб вообще не проводили.

Личного огнестрельного оружия в Берлине не существовало. Со слов Терса, такое имелось в Макселе у сатанистов, но запасы и состояние было неизвестно. Никто из вызванных ремесленников Берлина не имел понятия об устройстве ружья. Мои познания в этой области тоже оставляли желать лучшего. Примитивное ружье, заряжаемое через ствол, я мог представить в своей голове. Но вот более продвинутые версии просто не укладывались в моем понимании.

Совсем другим делом оказалась схема арбалета: у меня был кое-какой опыт, да и кузнецы могли понять, чего от них хотят. Арбалетчика можно натренировать за пару недель, это не лучник, где требуются годы тренировок. Терс внимательно смотрел на мои схемы, что я чертил перед ремесленниками и кузнецами. Только в сумерках мы смогли прийти к единому мнению и по необходимой длине плеч арбалета, и по спусковому механизму. Трое кузнецов получили от меня эскизы оружия, пообещав через пару дней принести опытные образцы.

– Макс Са, у нас же есть лучники, зачем нам эти арбалеты? – спросил Терс, едва мы остались наедине.

– Лучники – это хорошо, но луки слабые, такими доспехи не пробить. А вот болт арбалета, имеющий трехгранный наконечник, доспех пробьет легко. И обучить стрельбе из него куда проще. Терс, нельзя недооценивать нашего врага: поверь, эти немцы умеют воевать.

– Наш патруль перебил их, с тех пор мы их не видели, – самоуверенно возразил потомок Пабло, – они – трусы.

– Нет, Терс, они не трусы. Они собирают силы, чтобы одним ударом покончить с нами. Думаю, ваш пленный сбежал и сообщил своим о численности и вооружении армии Русов. Именно поэтому они собирают большое войско, чтобы в одном сражении закончить войну, избегая многолетних сражений. Я видел их луки, они очень хорошие. У меня даже было два немецких лука, но они остались у сатанистов. И, со слов раненого, у них имеется огнестрельное оружие, возможно, архаичное, но оно есть. А у нас, кроме пушек, отлитых еще Лайтфуттом, нет ничего. Именно поэтому нам нужны арбалеты, и как можно больше.

– Макс Са, Ты говорил, что надо послать отряд в Мехик. Кого послать с отрядом? Борда?

– Нет, поеду сам, нужно на месте осмотреться, насколько Мехик неприступен и возможно ли преодоление болот вокруг него. Как только будут первые рабочие арбалеты, выдвинусь туда, а ты останешься здесь: нельзя оставлять столицу без присмотра, – пресек я желание Терса сопроводить меня.

Молча кивнув, правитель пожелал мне хорошего отдыха. В соседней комнате был накрыт ужин: Ната вжилась в роль хозяйки, погоняя двух молодых женщин.

К еде едва притронулся, оставив всё пиршество Богдану и Русам Макселя. Они, к удовольствию Богдана, все изъявили желание стать моей личной гвардией. Мой личный отряд телохранителей насчитывал двадцать человек, в их преданности невозможно было сомневаться.

Следующие два дня прошли в суете: я привык ездить верхом без стремян, но кузнецам их заказал. Мы навестили несколько крупных поселений, расположенных к югу от Берлина. По моему указанию Терс разослал вербовщиков во все поселения, чтобы собирали молодых крепких парней в воины. Корабль, на котором прибыли трое отставших наших товарищей, привез вести из Макселя. Сатанисты не смогли скрыть факт гибели своего корабля, город кипел разговорами о вернувшемся Великом Духе. Порт Макселя охранялся втрое сильнее, а по улицам города появились вооруженные патрули из личной охраны Патриарха и остальных церковников. Любое упоминание имени Макса Са влекло за собой расправу на месте.

Тем не менее, со слов Царга, прибывшего сегодня, большое количество Русов готовы взяться за кинжалы, если я появлюсь в Макселе. Мне было неловко видеть горящие глаза Баска, Арна, Мерса и остальных. Но завоевание Макселя откладывалось до ликвидации угрозы со стороны немцев.

Сразу по возвращении из инспекционной поездки по окрестностям Берлина вместе со своим личным отрядом и Терсом отправились на проверку пушек. Четыре пушки с внутренним диаметром ствола около десяти сантиметров сияли, начищенные пушкарями. Двоих пушкарей, имевших ранее опыт стрельбы, звали Баси и Грам.

– Заряжай! – скомандовал пушкарям, забегавшим после моей команды.

Далее картина напоминала что-то невообразимое: порох сыпали в ствол пушки мисками, не соблюдая никаких пропорций. Пыжом для уплотнения пороха в стволе служили обрывки шкур. После того как Баси забил пыж, он взял чугунное ядро из пирамидки и вкатил его в ствол. Я инстинктивно сжался, ожидая детонации, но, слава Богу, пронесло. Грам закончил со своей пушкой чуть позже: вытянувшись в рост, пушкари ожидали дальнейшей команды. Это было чудо: на протяжении ста пятидесяти лет они смогли не растерять навыки зарядания, передавая информацию новичкам из уст в уста.

Обе пушки смотрели в море, где у порта в данный момент стояло три торговых судна Берлина. Велев всем зевакам отойти, скомандовал:

– Поджечь фитили!

Баси и Грам вместо фитилей использовали обычные факелы. Взяв факелы в руки, пушкари замерли, ожидая команды.

– Баси, огонь!

Пушкарь поднес факел к отверстию у запаянного конца ствола: громыхнул выстрел, Баси и пушка окутались дымом. Ядро улетело примерно на двести метров, вызвав небольшой всплеск в море.

– Грам, огонь!

Грохот второй пушки был сильнее, но даже сквозь грохот услышал крик. Густые клубы дыма мешали рассмотреть картину, я рванулся к пушке. Ствол разорвало в двух местах, тыльная часть – разворочена, а несколько его фрагментов просто отсутствовало. Один из осколков торчал в животе Грама, в судорогах лежавшего на спине. Одного взгляда было достаточно,

чтобы понять: одним пушкарем у меня стало меньше... Кусок чугуна размером с ладонь распорол ему живот, застряв в правом подреберье. Вскоре Грам затих.

Подбежавшие мои телохранители с ужасом взирали на развороченную пушку, не решаясь нарушить молчание.

– Он всегда много пороха сыпал, – дрожащим голосом произнес Баси, шокированный произошедшим с его напарником.

– С пушками завязываем, пока не найдем специалиста, разбирающегося в этом. Терс, пусть семья Грама будет поставлена на пожизненное довольствие, они потеряли кормильца.

– Баси, назначаю тебя старшим за сохранностью оставшихся пушек и пороха. Ухаживай за пушками, но стрелять пока не будем, хватит нам одного Грама.

– В Мехике есть опытный пушкарь Нарм, он учил меня и Грама, – подал голос немного успокоившийся Баси.

– Хорошо, на месте посмотрим, что он знает. Но обучал вас плохо, вы порох сыпете, сколько вам в голову придет, – бросил в сердцах, уходя с места трагедии.

Было жаль погибшего пушкаря, но теперь всё стало на свои места: на пушки пока рассчитывать нельзя. Воевать придется по старинке: луками, мечами, копьями. Если кузнецы смогут помочь – то ещё и арбалетами. Ну еще есть кавалерия, правда, я не думал о ее количестве.

– Терс, сколько конных воинов в Берлине, не считая твоего брата и десяти его всадников?

– Четыре десятка наберется, если всех посчитать. А почему Ты спрашиваешь, Макс Са?

– Да вот подумал: а что, если нам провести рейд на вражеские территории? Пятидесяти всадников хватит, чтобы навести изрядный шорох.

– Навести шороху? – переспросил собеседник, стараясь не отставать от меня.

– Это значит – немного поубивать врагов, внести страх в их ряды, можно пару деревень сжечь. Заодно попытаться захватить парочку пленных и выпытать у них нужную информацию, – пояснил Терсу, отгираемому в сторону могучими братьями Лутовыми.

– А мне можно навести шороху? – просящим голосом поинтересовался Терс, заглядывая мне в глаза.

Я уже хотел отказаться, но, увидев такое жалобное лицо, согласился:

– Почему бы и нет? Для конного отряда это вопрос трех-четырёх дней. Не думаю, что за это время Берлин почувствует безвластие.

– Мы с братьями хорошо знакомы с лошадьми, – пробасил над ухом Богдан.

– Терс, отбери два десятка лучших всадников, и еще нужно десять лошадей для братьев Богдана.

– Но их же всего пятеро? – удивился Терс.

– Да, но ни одна современная лошадь таких гигантов долго не выдержит. Им нужны сменные. Завтра проверим, как работают арбалеты, и выступим в разведку. Заодно проверим, как несет службу наш гарнизон в Мехике.

Глава 3. Дипломатический скандал каменного века

К моему огромному сожалению, ни один из трех образцов представленных арбалетов меня не устроил. Кузнецы Берлина во время нашего общения кивали головой, высказывая дельные мысли. Когда дело дошло до изготовления опытных образцов, каждый из них внес в конструкцию арбалета изменения, на их взгляд, просто необходимые для такого оружия. Один арбалет вообще представлял собой произведение искусства в областиковки. Он был сплошь украшен коваными завитушками и весил никак не меньше двадцати килограммов.

– Вот на какой хрен всё эти завитушки, какая от них польза? – орал на детин, боязливо вжимавших головы в плечи при виде моего гнева.

– Это оружие Великого Духа, оно должно быть красивым, – робко подал голос кузнец Рафим, чей арбалет мне трудно было вообще удержать в руках.

– Ты мозги свои прожог на своей кузне! Кто в состоянии держать эту красоту на вытянутых руках, олух ты Царя небесного? Оружие не должно быть красивым, оно должно быть практичным, ибо предназначено для убийства, а не для того, чтобы им любовались.

Еще раз попробовав удержать громоздкий арбалет на вытянутых руках, уронил его на пол. Это для силача кузнеца он – игрушка, для среднестатистического же воина – просто неподъемное оружие.

– Не годится, убери всю ковку, его надо сделать легким, чтобы из него могла стрелять даже женщина.

Сам механизм спуска был сделан добротнo. Если арбалет доработать, он, возможно, будет самым лучшим из трех представленных образцов. Два других арбалета невозможно натянуть даже мне: плечи были из такой толстой стали, что для натяжения тетивы потребовалась бы лебедка.

Немного успокоившись, заново объяснил кузнецам принцип действия нового оружия. Сделал акцент, что самое главное – гибкость стали, идущей на плечи арбалета. Она должна сгибаться при приложении усилия, но стремиться вернуться в исходное положение. Кузнецы снова кивали, периодически вставляя вопросы. Снова и снова объяснял, рисуя на земле, как меняется изгиб плеч арбалета при приложении усилий. Терс молча наблюдал за моими попытками довести до кузнецов нужную информацию, когда один из его охраны что-то прошептал ему на ухо.

– Макс Са, – встрял в разговор правитель Берлина, – в порт входит корабль из Макселя.

– Пусть входит, торговля должна продолжаться, – увлеченный объяснениями с кузнецами, отмахнулся от Терса.

– Это не торговое судно, а их главный корабль "Василий Лубков", – в голосе правителя Берлина звучала тревога.

– Мы договорим позже, ждите нас здесь, – оставив кузнецов ломать голову над устройством арбалета, в сопровождении Терса и своей личной гвардии заспешил в порт.

Если к нам пожаловал главный корабль сатанистов, дело принимало серьезный оборот. Я, конечно, допускал возможность такого визита, даже обсуждал это с Терсом. Но сатанисты так быстро принялись за дело, что это меня неприятно удивило.

Дорогу до порта преодолели за пять минут. «Василий Лубков» встал на рейде в двух кабельтовых, повернувшись к порту правым бортом. Жерла шести пушек выглядывали из открытых орудийных портов, намекая на недружественный визит. С корабля спустили шлюпку. Она уже шла в нашу сторону.

– Убьем их всех! – Арн и Баск пылали гневом.

– Нельзя, у них белый флаг, это парламентареры, – остудил я пыл своих людей.

– По местам стоять! – пророкотал Богдан. После его слов я оказался в плотном кольце его братьев и остальных Русов. Трое охранников Терса последовали примеру моих людей, взяв в кольцо своего правителя.

Несмотря на синхронность гребцов, шлюпка двигалась медленно, преодолевая силу отлива. Кроме шести матросов в ней находилось двое мужчин. Сидящий на носу усиленно демонстрировал белый флаг.

– Терс, – позвал я потомка Пабло, – сейчас мы слушаем ультиматум от сатанистов. От тебя потребуют выдать меня кораблю, угрожая в противном случае войной.

– Они ее получают, Макс Са, – в голосе Терса не было ни капли волнения, – кто может нас победить, если с нами – Великий Дух Макс Са?

Мне бы его уверенность: слова Терса громкими криками поддержали Русы, на миг сбив с ритма гребцов, уже подходящих к причалу. Шлюпка пристала к берегу, двое мужчин легко перепрыгнули на деревянный настил. Гребцы остались в шлюпке, настороженно озираясь. Мужчины сделали несколько шагов и остановились: между нами было всего порядка десяти метров.

– Я – Силантий, управляющий делами Императорского Двора. У меня есть разговор к правителю Берлина Терсу, – мужчина с пышной бородой, одетый в расписанный кафтан и широкие шаровары, выступил вперед.

Терс взглянул на меня:

– Говори, пусть расскажет, для чего прибыл, – велел я правителю.

– Говори, я слушаю тебя, – Терс сделал два шага вперед.

– Наш Император Тихон IV, многие лета ему жизни, велел выдать чужеимца, присвоившего себе имя Сына нашего Бога Иисуса. Чужеимец, называя себя Макс Са, бежал из острога патриарха и прибыл в Берлин. Наш император и Патриарх напоминает тебе, Терс, что волей Господа нашего Иисуса и Сына его Макса Са ты обязан повиноваться.

Бородатый замолчал. Молчал и Терс, ему явно не хватало опыта ведения переговоров. Выждав пару минут, Силантий спросил:

– Каково твое решение, правитель Берлина? Что передать мне императору?

Терс сглотнул и заговорил:

– Берлин увидел чудо: к нам вернулся Великий Дух Макс Са. У императора ложные сведения, здесь нет чужеимцев.

– Терс, – Силантий проигнорировал титул правителя Берлина, – подумай, стоит ли лишаться головы ради чужеимца, оскорбившего Сына нашего Бога Иисуса?

Пора и мне вмешаться.

– Пропустите меня, – велел своей охране. Подойдя к Терсу, положил ему руку на плечо, чтобы парень сгоряча не натворил бед.

– Силантий, я правильно понял, что ты вроде домоправительницы при императоре? – мой вопрос сбил посла с толка, он пытался понять это длинное слово.

Он вновь повторил свой титул, пытаясь произвести впечатление. Я перебил его:

– Можешь не повторять, мне плевать, кто ты там есть при самозванце императоре и где ты прислуживаешь. Я – Макс Са, никакой я не Сын Бога, я – Его посланник, Великий Дух. Возвращайся назад и передай Тихону, что в настоящий момент с севера идут полчища врагов. Очень серьезная сила идет на Берлин, Максель и на все остальные поселения Русов. Сейчас не время для вражды, надо отбиться от общего врага. Потом, если мы победим, мы встретимся с твоим Тихоном и поговорим, кто есть император, а кто – просто самозванец.

Силантий выслушал, несколько секунд переваривал услышанное и затянул старую пластинку про необходимость немедленной выдачи самозванца, то бишь меня.

– Ты дурак, Силантий? Я тебе говорю: на севере собирается огромная армия немцев, десятки тысяч лучников. И они планируют вторгнуться сюда! Именно по этой причине мне пришлось срочно возвращаться, чтобы защитить свой народ.

– Император направит сюда армию, если Терс не выполнит его требования, – упрямо, словно не слыша мои слова, повторил туповатый посол сатанистов.

– Арестовать их обоих! Шлюпку – задержать! – скомандовал своей гвардии.

– Я – посол, – попытался запротестовать Силантий, но, очутившись в стальных объятиях Богдана, замолк.

Гребцы на шлюпке не успели среагировать, когда к ним посыпались разъяренные Русы. С корабля заметили движение на причале. На палубе началась беготня, а спустя всего минуту прозвучал выстрел из пушки. Холостой, предупредительный. Чтобы корабль не вздумал палить, я подхватил белый флаг и несколько раз помахал им. Затем, обернувшись к бледному Силантию, еще раз известил об угрозе немецкого вторжения.

Убедившись, что до него дошли мои слова, велел отпустить всех парламентариев.

– А теперь возвращайся на свой корабль и отвези наш ответ Тихону: с этого дня Берлин и прилегающие к нему земли вплоть до Максимена будут самостоятельны и независимы. Мы можем жить рядом как добрые соседи, мне не нужен Максель, мне хватит Берлина. Пусть там правит Тихон и его потомки, мне до этого дела нет. Но если твой император попытается прийти с войной, я обрушу на его голову гнев Господа, испепелю ваши корабли так же, как сжег первый. Нашлю на вас мор, чтобы женщины ваши стали бездетны, а мужчины недееспособны. И еще одно условие: Тихон не должен препятствовать тем Русам, которые захотят переселиться в Берлин. В ответ же я не буду чинить препоны Русам, желающим уехать в Максель. Ты меня понял, Силантий?

– Понял, – пролепетал бледный от страха мужчина.

– У меня еще одно поручение для тебя, – продолжил я, – ты должен навестить Патриарха Никона и передать ему мои слова.

– Что ему сказать? – Испуганный Силантий был невероятно покорным.

– Передай ему следующие слова в точности: если вы меня разозлите, судьба его прадеда покажется ему сказкой! Довольствуйтесь Макселем! Запомнил?

– Запомнил, – уже уверенней ответил Силантий, отходя от страха.

– А теперь забирайте свою белую тряпку и убирайтесь. Берлин для вас закрыт, вам здесь не рады! Пошли, Терс, у нас много дел, – повернувшись спиной к морю, зашагал в город в полной уверенности, что шлюпка будет грести что есть мочи.

Я блефовал, говоря про губительный Мор, про испепеление кораблей и города. Но среди моих слов была наживка для Тихона и Никона: мои слова, что Максель мне не нужен. Эти потомки «хлыстов» не имеют столь значительного перевеса над силами Берлина, чтобы сломя голову ринуться в бой. Кроме того, предупреждение о неминуемом вторжении внешнего врага должно заставить их задуматься.

Сопоставив мои слова про ненужный мне Максель и про орды немцев с севера, потомки «хлыстов» полагаются, что мою судьбу, – как и судьбу отныне независимого Берлина, – решат враги. А им останется потом взять тепленьким то, что от нас осталось. По сути, так оно и случится, если мы не сможем отразить нападение или понесем значительные потери. Но другого выбора не было: начинать войну с Макселем, ожидая неминуемого удара с севера, являлось полным безумием.

Был еще расчет на Патриарха Никона: старец был далеко неглуп и отлично должен понимать, что война против Берлина может вызвать восстание в самом Макселе. Шила в мешке не утаишь, слухи о моем возвращении уже циркулировали среди Русов. По сути, вариант, предложенный сатанистам, был пределом их мечтаний: им доставался Максель. Точнее, они должны

в это верить и надеяться, что я удовольствуюсь Берлином. Верю, что нам удастся отразить немецкое вторжение, а после этого посмотрим, как долго усидят узурпаторы в Макселе.

Лица Русов, которые сопровождали меня во дворец, были грустны. «Вот дурак, – чуть не хлопнул себя по лбу, – они слышали весь мой разговор, наверное, решили, что про отказ от Макселя я говорил серьезно».

– Ребята, – остановившись, оглядел хмурые лица молодежи, – у нас не получится воевать против немцев и Макселя одновременно. Поэтому мне пришлось соврать, сказав, что Максель меня не интересует. Но это не так: Максель – сердце империи Русов. Придет время – как только разберемся с немцами, каждый сатанист ответит за всё зло, причинённое Русам.

– Макс Са, а может, нам стоит вначале разобраться с Макселем и готовиться к отражению врага с севера? – подал голос Терс.

– Если мы начнем войну с Макселем, немцы не будут ждать итогов боёв и ударят нам в спину. А вот Максель будет ждать, чем закончится наша война с немцами, надеясь добить нас, уже ослабленных. Кроме того, не забывайте, что в Макселе живут Русы, не так легко будет их погнать на войну против нас. Сатанисты смогут рассчитывать на свои силы и на некоторых Русов, примкнувших к ним.

– Русы поднимутся против сатанистов, как только ты появишься в Макселе, – Баск весь раскраснелся от предвкушения мести.

– Поднимутся, – согласился я. – И есть одна задумка, она и позволит нам избежать ненужного кровопролития. Но прежде всего надо разобраться с противником с севера. Мы не знаем, сколько их, только в курсе, что они лучше вооружены. А сейчас, Терс, нам надо к кузнецам, мы не закончили с арбалетами.

С кузнецами разговор затянулся, но в итоге удалось добиться того, что теперь они четко понимали, чего от них хотят. Выйдя во двор вслед за ними, увидел военачальника Борда, входящего в крепость. Эти два дня после боя тот отлеживался у себя дома: головой о камни приложился он основательно. Остановившись в пяти шагах от меня, командующий опустился на колени:

– Макс Са, я вел себя дерзко, забыв, что передо мной Великий Дух. Прости мне мою дерзость и позволь служить Тебе так же, как Терсу и Берлину.

– Встань, Борд, – подойдя к воину, протянул ему руку. Тот боязливо взглянул мне в глаза, подавая свою.

– У нас говорят: «Что было – то прошло». Не забывай, кто я, помни о своем долге и служи мне верно. Завтра с утра собери всех воинов, пеших и конных. Пусть все наденут свои доспехи, будем проводить строевой смотр.

– Хорошо, Макс Са, – почтительно наклонил голову Борд, не скрывая своей радости от моих слов. На его подбородке с левой стороны чернел темно-лиловый синяк, часть подбородка была еще отечна, отчего лицо воина скалилось в зловещей ухмылке.

Попрощавшись и пожелав мне хорошего отдыха, Терс ушел, прихватив своего битого командующего. Кликнув Нату, поручил ей организовать трапезу для меня и всей личной гвардии: иногда полезно быть в кругу своих воинов.

Во время ужина звучали хвалебные речи, как мы разделаемся с врагами на севере, а потом заберем Максель. Относительно судьбы сатанистов наблюдалось редкостное единодушие: казнь через сожжение. Только Богдан и его братья хмурились, при частом упоминании судьбы сатанистов.

– Мы не будем убивать всех. Среди них есть простые люди, которых Слуги Божьи одурачили. Тех, кто виновен в смерти людей, кто пытал и сжигал Руссов, ждет костер. Простые люди не должны страдать, запомните это! – Я обвел глазами свою гвардию. Свет от четырех масляных светильников бросал тени на лица людей, но даже при таком тусклом освещении заметил, как разгладились нахмуренные лица братьев Лутовых.

– Есть хорошие простые люди, – поддержал меня Дисар, к которому спустя мгновение присоединились остальные. Громко, смеясь, Русы переключили внимание на воспоминания про молнию, что послал Гланный Дух-Бог, чтобы спасти Великого Духа.

Мой дворец мог разместить гвардию вдвое большую, но Русы – они такие Русы. После сытного ужина началась легкая перебранка за право занять комнаты, примыкавшие непосредственно к моим покоям. Таких комнат было две, остальные покои располагались чуть поодаль.

– Богдан с братьями занимает покои справа. Баск, Арн, Мерс, Селид, Гисар и Генд – слева. Остальные размещаются в двух комнатах позади этих, – подвел я черту под жарким спором. Глаза Баска вспыхнули огнем, когда объявил его заместителем Богдана. В итоге у меня получилось два отряда по десять человек, охрану и сопровождение поручил по суткам, чтобы второй отряд имел возможность выспаться. Еще раз повторил для всех, что приказы Богдана и Баска должны выполняться неукоснительно.

– Макс Са, что делать с охранниками Терса, если они будут совать нос в наши дела? – прогудел Богдан, поигрывая топором.

– Они – Русы, наши братья. Вежливо отодвигайте их в сторону, если слишком будут лезть в наши дела, вежливо, без крови, – подчеркнул для всех.

– Что касается самого Терса, – продолжил, убедившись, то мои слова доходят до каждого, – считайте его моим младшим братом. Не надо объяснять, что это значит?

– Нет, Макс Са, – синхронно ответили Русы, позевывая от сытости.

– В таком случае Богдан определит вам график охраны. Свободная смена сейчас идет отдыхать. С утра у нас много дел. Вы – смелые парни, но даже вам надо учиться воевать в строю, слушать команды и прикрывать своих товарищей.

Ната спала, свернувшись калачиком. Шкура сползла с нее, обнажив соблазнительные формы. Подавив в себе желание, пристроился рядом, раздумывая о дне грядущем. Вроде начал неплохо, но предстояло сделать еще так много! Из-за задержек с арбалетами откладывалась поездка в Мехик и последующий рейд на немецкие деревни. Нужен пленный, желательно не рядовой, а командир. Надо узнать о планах Дитриха до того, как он нападет. Уже наступала осень, скоро начнутся дожди, а потом пойдет снег, усложняя передвижения большого количества людей. Если вторжение отложится до весны, у меня будет время принять контрмеры, атаковав неприятеля, пока он строит свой план «Барбаросса».

Глава 4. К северной границе

Еще понадобилось три дня общения с кузнецами, чтобы получить пригодные для использования образцы арбалеты. Убрав всё ненужные металлические украшения, сделав ложе из дерева, удалось максимально облегчить оружие. Теперь его вес едва ли превышал четыре килограмма, что несущественно для взрослого воина. С арбалетными болтами дела сразу пошли на лад: принцип укороченной стрелы лука кузнецы усвоили быстро. Короткие толстые болты должны были уверенно пробивать доспехи врага.

Для демонстрации пробивной силы арбалетного болта попросил железную пластину. Кузнец по имени Шам, не пожалел готовой заготовки под доспех, притащив незаконченную работу. На испытании, кроме Терса, кузнецов и моей гвардии, присутствовали все воины во главе с Бордом.

– Борд, позови своего лучшего лучника, – окликнул я военачальника. Из рядов воинов, по знаку командира, выбрался рослый парень с вьющимися волосами. Лук он себе подобрал по размеру, почти двухметровый. Отмерив от установленного на пне доспеха тридцать шагов, прочертил линию на земле.

– Стреляй отсюда по доспеху, попробуй пробить его, – указал кудрявому на черту на земле, откуда следовало вести стрельбу.

Лучник стал у черты, натягивая лук. Стрела звонко ударила в доспех и сломалась. Подойдя поближе, я продемонстрировал лишь небольшую выемку в самом доспехе и сломанную стрелу с затупленным кончиком.

– Вот на что способна стрела против доспеха. А чтобы убить противника, ей надо пройти через доспех и поразить врага. Теперь посмотрим, что может арбалет.

Чтобы взвести арбалет, пришлось приложить серьезное усилие. Короткий арбалетный болт был вдвое толще и короче стрелы. Трехгранный наконечник угрожающе уставился в сторону предполагаемого врага.

Спустить болт удалось не сразу: спусковой крючок немного заедало. С глухим хлопком тетива послала болт в сторону доспеха. Звон был сильнее, укрепленный доспех сорвало, и он покатился по земле. Подбежав, еле сдержал ликующий крик: пробив переднюю сторону доспеха, болт застрял с тыльной части, наконечник торчал наружу. Стараясь говорить ровным голосом, поднял и продемонстрировал доспех воинам:

– А вот, что с врагом делает арбалет в умелых руках! – Про умелые руки польстил конечно, трудно промахнуться с тридцати шагов по ростовой мишени. После меня стрелял Терс: первым выстрелом промазал, но вторым попал точно в цель, превращая доспех в дуршлаг. Потом стрелял Борд, за которым каждый из моей гвардии тоже приложился по доспеху. Кузнец Шам и его коллеги не могли скрыть своей радости, видя действие арбалетного болта.

– Шам, назначаю тебя старшим оружейником Берлина. Собери всё необходимое и приступайте к изготовлению арбалетов. Нужно каждый день делать не меньше пяти арбалетов, времени у нас мало. Терс, – подозвал правителя Берлина, – сделай указание кузнецам и ремесленникам: железо тратить только на арбалеты, стрелы, подковы и остальное оружие. Всё, что касается котлов, мисок, сохи и прочих вещей – может подождать. И надо обеспечить кузнецов достаточным количеством железа и дерева, чтобы их работа не останавливалась даже ночью.

– Понял, Макс Са, не лучше их собрать в одном месте и приставить воинов, чтобы никто не мог отлучаться?

Я с уважением посмотрел на Терса: молодой, а как замашки, как у покойного Александра. Тот тоже считал, что коммунистический субботник – лучшее изобретение человечества.

– Как считаешь нужным, это твои люди. Для меня важно, чтобы каждый день изготавливалось не менее пяти арбалетов. Часть из них будут тренировочными, остальными надо воору-

жить пехотинцев. Лучники пусть занимаются своими тренировками, а арбалетчиком может стать даже неопытный воин. И раз ты предлагаешь собрать их в одном месте, распорядись, чтобы их нормально кормили.

– Мы завтра поедem в Мехик? – догнал меня в спину вопрос Терса.

– Планы изменились: опасно оставлять Берлин без тебя или меня. Не исключено, что у сатанистов есть лазутчики среди наших людей. Если мы оба уедем, они могут воспользоваться этим и захватить власть.

– Это мудрый слова, Великий Дух, – упавшим голосом признался Терс, осознав, что участвовать в рейде ему не придется.

– Я возьму с собой Борда, не хочу, чтобы гарнизон в Мехике стал стрелять в меня, приняв за врага. Мы выступим утром, пусть Борд и десяток всадников будут готовы. Со мной поедут Баск и Богдан, остальных оставлю здесь, чтобы тренировались с твоими воинами.

– Хорошо, Макс Са, – Терс подозвав одного из своих охранников, жестикулируя отдавал указания. Сопровождаемый Богданом с братьями, – сегодня была их вахта, – направился в порт. Встреченные по пути берлинцы уступали дорогу, вслед мне благоговейно шелестело: «Великий Дух».

Капитан Балт находился на палубе «Зерга»: судно снова стояло под погрузкой. Увидев меня, суровый капитан просиял, буквально скатываясь по сходням:

– Макс Са, неужели понадобился мой «Зерг»?

– Ты на погрузке, собираешься в Максель? – проигнорировал я вопрос Балта.

– В Максель сейчас опасно, сатанисты, наверное, лютуют. Нет, Макс Са, у меня груз шкур, ячменки и инструменты для продажи в Моско. Поплыву на остров Одос, тамошние язык наш понимают, да и дружелюбнее сатанистов, хотя сами почти черные.

– Одос? – Мне показалось, что это дежавю. Я уже встречал название Ондон вместо Лондона. Значит, и Одос – это трансформация слова «Родос»? Это стоило проверить, и располагалось неизвестное государство в сторону юго-востока, где по логике должен находиться Родос.

– Балт, ты должен выяснить, кто правит в Моско. Узнай, известны ли им имена Алолихеп, Максхеп? Если знакомы, постарайся попасть к их правителю и передай мои слова в точности.

– Что сказать им, Макс Са? – напукная веселость слетела с Балта, он напоминал хищника перед броском на жертву.

– Скажи им, что Великий Дух Макс Са, муж Алолихеп и отец Максхеп, требует выделить воинов. И привези этих воинов с собой в Берлин.

– А меня не сожгут за такие слова, Великий Дух? – в голосе Балта звучали сомнения.

– Если им знакомы имена Алолихеп и Максхеп, можешь смело передать мои слова правителю. Самое плохое, что с тобой могут случиться – тебе не дадут воинов и посоветуют покинуть их город.

– Я всё сделаю, плыть туда почти три недели, столько же обратно. Но постараюсь вернуться как можно скорее, – заверил меня Балт, довольный тем, что отделался одним поручением.

Полтора месяца плавания мне показалось многовато. Очевидно, что со времен Тиландера мореходные навыки Русов утрачены. В любом случае выбирать не приходилось: если этот Одос является Родосом, подаренным мной Алолихеп, то оставалась надежда на помощь. Алолихеп происходила из царской семьи, она ни за что не допустит захвата трона. Кроме того, она была мне беззаветно предана, души не чаяла, потому и покинула Максель, убедившись, что я не вернусь. Вот в чем не сомневался, так это в том, что она передаст всю информацию обо мне сыну и внукам. При нашей встрече Алолихеп помнила историю своего рода с пятого колена: вот что значит происхождение.

Остаток дня провел, подгоняя под себя доспехи, принесенные Бордом и Терсом. Богдан и Баск мучили представленных им лошадей, пытаясь сдружиться с животными. Ната всё эти

дни проводила, лежа в большой деревянной кадке, отмокая от многомесячной грязи. Девушка за неделю расцвела, только стрижка под мальчика угнетала ее.

– Кушать будешь? – девушка только вышла из ванной, вытираясь куском чистой ткани, поданной служанкой.

– Нет, мне надо еще массу дел сделать, утром надо в путь.

– Я же еду с тобой? – как само собой разумеющееся констатировала девушка, облачаясь в чистые одежды.

– Это не прогулка, Ната, мы собираемся проникнуть на чужую территорию, захватить парочку пленных. Будет боестолкновение, мне врага бить или тебя охранять? – еле сдерживая раздражение, я пытался вылезти из очередного доспеха, но дотянуться до шнуровки на спине не получалось.

– Я помогу, – скользнув как кошка, Ната освободила ремни, помогая мне снять доспех.

– Спасибо, – буркнул, собираясь выйти во двор, где слышалось цоканье копыт.

– Еще рано, – улыбнулась Ната, – мы еще не поймали пленных и не допросили их.

Она рассмеялась с выражения моего лица:

– На каком языке будешь вести допрос, Макс? Ты знаешь немецкий? Или притащишь пленных сюда, чтобы я могла поговорить с ними? Видишь сам, что мое присутствие крайне желательно.

Аргумент был железный: какой смысл таскать пленного на расстояние двухсот километров, не имея возможности его допросить? А если попадетсЯ раненый, доживет он в пути до Берлина? Пожалуй, она права, ее присутствие в отряде желательно.

– Ты не умеешь ездить верхом, – сделал я слабую попытку возразить.

– С тех пор, как мы попали в Берлин, ты целыми днями занят. А всё это время училась ездить на лошади, – улыбнулась Ната. – Видишь, какая тебе хорошая девушка досталась?

– Хорошие давно мертвы, – брякнул со злости, что эта пигалица аргументированно меня положила на лопатки. Лицо Наты исказила гримаса боли, молча она ушла в спальню, не проронив ни слова.

"Дурак, полный кретин, – поставил мне диагноз внутренний голос. – Пошел ты на буй«, – не стал рассусоливать с ним, прекрасно осознавая собственную неправоту.

До темноты провозился, прилаживая стремяна, выкованные Шапом по моему эскизу. Поставив ногу в стремя, залихватски вскочил на своего черного жеребца, коня Терса, мило стиво подаренного мне. Жеребец, гарцуя на месте, проявлял нетерпение. Отпустив повод, прищпорил, направляя его в ворота.

– Макс Са, стой! – Богдан рванул к своей лошади. Выскочив за ворота, пустил жеребца вскачь в сторону юга.

Богдан, привыкший к верховой езде, нагнал у меня уже в предместье. Поравнявшись, мы молча шли рысью, пока у меня с непривычки не заболела пятая точка. Молча, развернув жеребца, шагом направился обратно. Вернувшись, отдал повод конюху, присланному мне в услужение Терсом: что делать дальше с жеребцом, парень точно знает лучше меня.

С Натой мы помирились: великая сила ночной любви способна загладить даже серьезные обиды. Скрепя сердце пришлось согласиться с ее присутствием в отряде. От прежнего плана – провести рейд силами пятидесяти всадников – я отказался. Слишком большой отряд, чтобы скрытно действовать на чужой территории. Утром наш небольшой отряд насчитывал всего пятнадцать человек: мы с Натой, Богдан, Баск и Борд со своим десятком лучших всадников. Тепло попрощавшись со своей гвардией и озадачив Терса необходимостью изготавливать арбалеты днем и ночью, выдвинулись в путь. Проезжая мимо порта, не увидел судна капитана Балта на рейде. «Зерг» ушел в дальнейшее плавание, пользуясь утренним отливом.

До Мехика была неплохая дорога, проходящая через множество мелких поселений в пару десятков домов. По дорогам встречались повозки, крестьяне везли товар в столицу. Они загодя

сворачивали в сторону и пропускали наш отряд. Со слов Борда, неоднократно бывавшего в Мехике, при неспешном продвижении рысью дорога занимала трое суток.

Первую ночь мы провели в небольшом постоялом дворе, где всего было две комнаты. В одной разместились мы с Натой, жадно поглощая жареную птицу типа фазана, приготовленную добродушным хозяином. Богдан, Борд и Баск расположились во второй помещении, разместив воинов в конюшне, где прозябала пара старых кляч хозяина. Не знаю, удалось ли им выспаться, но даже сквозь закрытые ставни до нас доносились звуки внимания, которые наши жеребцы оказывали клячам хозяина постоялого двора.

Не знаю, как в Макселе, но в Берлине заметил интересную особенность: все лошади всадников были жеребцами. Кобылы использовались для работы в поле, они тащили повозки и занимались другой сельскохозяйственной работой, в том числе пахотой. Не знаю, с чем связано такое гендерное неравенство, но не преминул подколоть Нату, получив в ответ удары по спине острыми кулачками.

Завтрак состоял всего из ломтя хлеба и пиалы парного молока. Выйдя на дорогу, хозяин долго благословлял нас, сжимая в руке полученную от меня полтину. Этого добра у меня хватало: два объемных кожаных мешочка из казны Берлина были засунуты за доспех, давя на живот.

Ближе к полудню остановились, дали лошадям отдых. Богдан отказался взять сменную лошадь, его животное больше других нуждалось в отдыхе. Крупная пена клочьями выбивалась из-под попоны, сползая к брюху.

Вообще наши жеребцы были отнюдь не мелкие, заметно превосходя в росте степные монгольские. Но до стати английских или арабских скакунов им было еще расти и расти. Расположившись у небольшого ручья в стороне от дороги, мы пустили лошадей пастись. Пока мы с Натой умывались, воины отвернувшись созерцали окружающую природу. Дисциплина в отряде Борда была на уровне: все молча делали каждый свое дело, не оглашая округу громкими разговорами. Именно соблюдение тишины позволило услышать, как по дороге навстречу нам идут люди.

Это оказалась семейная пара, мужчина и женщина в возрасте. Женщина тащила на себе тюк с вещами, а мужчина был обвешан утварью, как рождественская елка.

– Борд, что за странные люди? Куда они со своими вещами, выясни, – поручил я командиру. Выйдя из-за деревьев, Борд остановил необычную пару и вернулся через пару минут.

– Они из поселения в часе езды отсюда, староста выселил их, обвинив женщину в сглазе.

– И в чем проявился сглаз?

– Животные отказываются от еды, потом слабеют и умирают.

– Это не сглаз, а скорее всего заболевание. Так, продолжим путь, эту пару берем с собой, не хватало еще охоты на ведьм из-за падежа скота.

До меня доносились слабые возражения семейной пары, не желавшей возвращаться в деревню, но открыто спорить с Бордом они не решились. Понурился голова, мужчина и женщина двинулись обратно и скрылись из вида, пока мы седлали лошадей.

– Не убегут в лес?

– Не посмеют, – ответил Борд, затягивая подпругу и подставляя колено, чтобы я мог взобраться на своего жеребца.

– Больше так не делай, Борд, я хоть и Великий Дух, но не самодур, упивающийся властью. – Легко вскочив в седло, тронул поводья. – Нам пора, мне не терпится разобраться с ситуацией в деревне.

Пару мы нагнали через десять минут, Борд на ходу крикнул им, чтобы торопились, не хотелось задерживаться в деревне слишком долго.

Старостой оказался пузатый мужчина лет пятидесяти, с редкой бороденкой и вороватыми глазенками. При виде нашего отряда его глазки заметались, а угодливый язычок сыпал комплименты по поводу состояния наших коней и экипировки.

– Ты почему выгнал из деревни мужчину и женщину? – не отвечая на его приветствие, ледяным голосом вогнал старосту в ступор.

– Она ведьма! Ведьма, из-за нее вся наша скотина умирает, – неожиданно фальцетом заголосил мужчина.

– Покажи мне животных, – я спешил, передав поводья Богдану.

– Макс Са! Может, казнить его? – прогудел Богдан, закидывая топор на плечо.

– Макс Са? Великий Дух Макс Са? – староста опешил. Прежде чем я успел среагировать, бухнулся на колени, обнимая мои ноги.

– Покажи животных, потом поговорим, – освободил ноги и пинком придал ускорение главе поселения.

Годовалый теленок лежал на боку, язык свесился, из уголка пасти стекала розовая слюна. Животное умирало, его шумное дыхание слышалось за десяток метров. Всё брюхо теленка облеплено клещами с красными маленькими головками. Насекомых была добрая сотня только на одной стороне живота: на бедрах их виднелось заметно меньше. Мои познания в зоонозах были нулевые, но здесь всё очевидно: животное умирало из-за странных красноглазых клещей.

– Ведьма, говоришь? Сглазила, говоришь, – не сдержавшись, отвесил звонкую оплеуху старосте, под взглядами пары десятком местных. – Посмотри на своего теленка, он у тебя весь в клещах! За животными надо ухаживать, мерзкая ты тварь!

Присев у теленка, попробовал вытащить клеща. Голова осталась в теле, а лопнувшее тело было полно крови.

– Смотрите: это клещи, они очень опасны для домашних животных и для человека. Их надо убирать сразу, прежде чем они напьются крови и их голова уйдет глубоко в кожу. Проверьте своих животных каждый день, но берегите и свои руки от укусов.

Оглянулся по сторонам, чтобы найти подходящий инструмент для извлечения клеща. Взгляд упал на тлеющие угли: сорвал веточку и дождался, пока кончик загорится. Народ придвинулся ближе, заинтересованный моими движениями. Выбрав одинокое насекомое, задул пламя на веточке и раскаленным кончиком нажал на тело клеща. Прошла пара секунд. Паразит, съжившись, отпал от теленка.

– Именно так удаляйте клещей, не касаясь их руками, – закончил демонстрацию, отряхивая руки.

– А ты запомни, – обратился к скулящему старосте, – если еще одного человека выгонишь из деревни, будешь повешен на дереве у своего дома.

Провожали нас всей деревней. За час, что мы посвятили обеду, многие жители успели избавить своих животных от клещей.

К вечеру третьего дня, миновав крупное поселение, мы вышли к предгорьям: от снежных шапок, сиявших при вечернем солнце, несло прохладой.

Впереди виднелся довольно крупный городок, левым краем прилепившийся почти к отвесной скале.

– Мехик, – торжественно произнес Борд, показывая пальцем. Мы подошли к границе владений Руссов.

За городской стеной начинались вражеские территории, куда завтра мы выйдем в рейд.

Глава 5. Мехик

Мехик, по сути, был огромной заставой, имевшей крепостную стену длиной в триста метров. Эта стена с одной стороны вплотную примыкала к отвесной стене северо-восточных отрогов Альп. С юго-запада крепостную стену омывало озеро, почти сразу переходящее в болота – со слов горожан, непроходимые для человека.

Остаток вчерашнего дня посвятил знакомству с братом Терса: Гуран был совсем молодым парнем лет восемнадцати. Его реакция на живого Макс Са удивила даже меня. Парень, грохнувшись на колени, отказывался подняться, пока я силой не принудил его.

– Макс Са! Макс Са, какое счастье! – это было всё, чего удалось добиться от Гурана в течение первого пол часа.

Чуть позже, успокоившись, брат Терса обстоятельно поведал про свое пребывание в крепости и ситуацию с племенами к северу от Мехика. Между горожанами и жителями окрестных племен установились товарообменные отношения. Дикари приносили свежее мясо, выделанные шкуры, прося в обмен железные ножи. В Мехике работали два кузнеца, в болотах была найдена железная руда плохого качества. Ее качества вполне достаточно, чтобы клепать небольшие посредственные ножи, ценившиеся среди дикарей. Гарнизону и горожанам даже особо не приходилось трудиться: за один такой нож приносили до пяти туш оленей.

– Гуран, ничего необычного не заметил среди дикарей?

Парнишка задумался, после минутной паузы уверенно сказал:

– Два раза был среди них человек со светлой кожей – светлее, чем у дикарей. Мне показалось странным, что он всё время щупал камни, из которых сложена стена. И еще, – Гуран остановился и показывая рукой на север, пояснил: – Один из дикарей говорил, что в десяти днях пути в той стороне живут светлые люди. У них есть ножи, но они их дают только тем, кто остается жить с ними.

Рядом с Гураном шел молчаливый Акрам, совмещавший в себе функции градоначальника и командующего гарнизоном. На минуту мне показалось, что при упоминании людей со светлым цветом кожи его лицо исказила гримаса. Но это могло быть из-за освещения: солнечные лучи заставляли жмуриться и меня. То, что странный «дикарь», щупавший камни, был лазутчиком, не оставляло сомнений. Его выдавал цвет кожи и отсутствие интереса к ножам – главной ценности для дикаря. Пробуя камни на прочность, проверяя качество раствора, лазутчик мог собирать информацию для предстоящего штурма.

Мехик, при всей немногочисленности своего гарнизона, был серьезным препятствием для атакующих. Четырехметровую стену наскоком не преодолеть, для этого нужны лестницы. В самой стене было устроено два небольших узких прохода, закрывавшихся тяжелыми дубовыми дверями. Двери, забираемые изнутри мощными засовами, открывались в сторону предполагаемого врага. В стену были встроены шесть башен-площадок для стрельбы с узкими прорезами. В целом, при нормальной обороне стена могла сдерживатькратно превосходящие силы противника. Левый торец стены упирался в гранитную скалу высотой под сотню метров. С той стороны обойти крепость невозможно.

Меня беспокоила часть стены со стороны озера. Потомки немцев вполне могли уметь плавать. Да и непроходимость болот основывалась на парочке несчастных случаев. Вспомнилась документальная хроника Первой Мировой войны: английские поля колючей проволоки и рвы с водой немцы преодолевали, используя вязанки хвороста. Здесь можно было использовать этот опыт, чтобы пройти болота. Вопрос заключался лишь в том, как далеко тянутся топи.

– За озером – там, где начинаются болота, надо устроить дозорный пост.

Борд и Гуран молча кивнули: если Макс Са говорит, не надо возражать, просто следует выполнять указание. До Акрама эта мудрость еще не дошла.

– Зачем же? Болота невозможно пройти, – в голосе местного командира и градоначальника промелькнуло еле уловимое раздражение. Не успел я ответить, как вмешался Борд, жестко осадив Акрама.

– Макс Са не спрашивает твоего мнения. Он говорит – мы слушаемся и выполняем!

Голос Борда отразился болью в висках: вчерашний приезд долго отмечали ячменкой с обильным застольем. Встретили меня по-царски: отвели лучшие комнаты, столы ломились от угощений. Богдан и Баск, нависая за моей спиной, вчера не давали гостям приблизиться ко мне во время застолья. Сейчас снова оба следовали по пятам, готовые в любой момент покарать провинившегося. Акрам метнул взгляд на моих телохранителей, на насупившегося Гурана и сурового Борда.

– Слово Макс Са, слово Великого Духа для меня свято, – поспешил исправить свой промах градоначальник, – но болота непроходимы, многие воины утонули, пытаюсь пройти их.

– Для меня они проходимы, Акрам, и для любого, кто последует за мной. Среди наших врагов тоже могут оказаться умные люди. Мы будем считать, что нам не угрожает опасность, а враг может ударить в спину. И больше не смей мне возражать, – добавил, чувствуя, что Борд и Гуран ждут от меня этих слов. Побледневший Акрам, путаясь в словах, старался убедить в своей преданности и исполнительности. Чем больше он старался, тем больше меня не покидало ощущение, что градоначальник что-то скрывает.

– Что ты знаешь о Акраме? – спросил Борда, улучив момент, когда нас не могли услышать.

– Хороший воин, у него две жены, одна из наших, вторая – дикарка, из племени охотников, которые закупают ножи. Ты хочешь убить его? – вопрос Борда вверг меня в ступор.

– Нет, Борд, пока не вижу причины. Но мне он не нравится, словно он что-то знает и не говорит. Понаблюдай за ним, он ведет себя, как проворовавшийся бюджетник во время ревизии.

Борд половину не понял, но переспрашивать не рискнул. Кивнув головой, показал жестом растопыренные пальцы: «Возьму в оборот».

Обойдя всю стену, мы поднялись на башни, где несли службу воины. Слух о моем возвращении не миновал никого из жителей Мехика: все норовили украдкой прикоснуться. Эту особенность заметил еще вчера. Сияющий Гуран поведал, что существует поверье среди Русов Мехика: докоснувшийся до Великого Духа получает часть Его Силы. Никогда не верил в приметы и суеверия, поэтому охотно сам трогал окружающих и давал прикоснуться к себе: с меня точно не убудет.

На каждой из башен стояло по одной пушке: внешне оружие сияло, но меня сильно напрягало случившееся в порту во время выстрела. Баси говорил о самом опытном пушкаре, – запомнил его имя, – находившемся в Мехике.

– Нарм, он сейчас отдыхает, дежурил ночью, – ответил на мой вопрос Акрам, ставший невероятно предупредительным после моего замечания.

– Пошли за ним, надо узнать, можем мы рассчитывать на пушки или нет.

Один из воинов, мгновенно сорвался с места, торопясь привести Нарма. Осмотрев луки воинов в башне, пришел к неутешительному выводу: доспех такими стрелами не пробить. Вся надежда была на арбалеты, спешно изготавливаемые в Берлине, а также на пушки, если Нарм сможет вдохнуть в меня уверенность о целесообразности их применения. Со стены сопредельная сторона просматривалась метров на триста, дальше начинался лес.

– Твой предок Пабло был умным человеком. Место для крепости, чтобы обезопасить Берлин и окрестности, выбрал идеальное, – не удержался от похвалы.

Гуран просиял, любому приятно слышать, что его предок хорош, ведь часть славы достается и потомкам. Пока отвечал на вопросы осмелевших воинов, появился Нарм. Ожидал увидеть пожилого дядьку, раз он учил Баси и покойного Грама, но пушкарь был чуть старше

Гурана. Его отец и дед, со слов парня, были потомственными пушкарями, а их предок, Мирн, работал непосредственно с Железным Уилом.

– Хорошее прозвище у тебя осталось Уильям, – не смог удержаться, чтобы не высказаться вслух. Интересно, а как прозвали Тиландера потомки, если его не забыли? Морским человеком или Водяным Змеем. На минуту я даже отвлекся, представив себе изумленные физиономии Лайтфута и Тиландера на оставленную о себе память среди потомков.

– Макс Са, пушки стреляют, только надо очень аккуратно сыпать правильную меру пороха. Я много раз говорил Граму, что большее количество пороха не делает выстрел лучше, – Нарм искренне был огорчен смертью своего ученика.

– Покажи нам, куда долетает ядро с крепостной стены. – Моя просьба обрадовала пушкаря. Он послал двоих воинов за порохом и пыжами. Семь ядер были сложены пирамидкой у пушки, ожидая своего часа. Нарм зарядил пушку вдвое быстрее Баси и Грама: парень не соврал, любовь к оружию читалась у него на лице.

– Великий Дух Макс Са, лучше немного отойти, – вежливо попросил Нарм, держа в руке тлеющий запал. Отойдя метров на двадцать по стене, для устойчивости присел: вдруг стена рухнет. Выстрел прозвучал довольно громко, ядро вспахало землю примерно в трехстах шагах, на самой границе леса. Это заметно лучше, чем дальность выстрелов в порту Берлина.

– Картечью стрелять не пробовал? – Нарм не знал, что означает это слово. Объяснив его значение, решил провести экспериментальный выстрел, собрав осколки камней вместо картечи.

Нужен был цилиндр, чтобы собрать такой заряд вместо кусков свинца или железа. Решил заменить куском ткани. Сделал мешочек, чтобы после выстрела он разорвался. Прошло около часа. И вот сделали второй выстрел, картечью. По тому, как задрожали ветви кустов на опушке леса и посыпалась листва с деревьев, можно было сказать с уверенностью: выстрел картечью был удачнее.

– Нарм, твоя задача сделать такие мешки, набить их острыми камнями, кусками шлака и обрезками железа. Для начала пойдет и такая картечь. Кроме этого, установи четкую меру пороха для выстрела. Наверное, придется сделать мерники, чтобы всё пушкари знали норму.

Еще около десяти минут объяснял Нарму унификацию порохового заряда: сам Нарм заряжал, определяя количество пороха «на глаз». Не уверен, что моя картечь сможет пробить доспехи, но травмы нанесет даже воину, закованному в броню. Гуран и Борд проявили живой интерес к разговору, в то время как Акрам проявлял явное беспокойство.

Поинтересовавшись у Гурана, с чем связано такое поведение, узнал, что сегодня после обеда должны были появиться дикари с тушами добытых животных. Появление этих гостей оказалось весьма кстати: некоторые из горожан умели неплохо изъясняться с ними. Приграничная торговля постепенно рушила языковые барьеры.

Обед мы провели втроем: мы с Натой и Гуран. Борд отказался, сославшись на необходимость отбора лучших воинов для предстоящего рейда на вражескую территорию. Узнав о вылазке, Гуран проявил весь свой дар убеждения, прося разрешения участвовать в экспедиции. Как я ни старался отказать, но не смог устоять против энтузиазма брата Терса.

– Хорошо, Гуран! Но если ты будешь лезть вперед, свяжу тебя и до конца экспедиции будешь привязан к седлу лошади, – пригрозил чрезмерно пылкому молодому воину.

– Макс Са, буду слушаться, – вскочив с места, пообещал юный принц, не скрывая радости.

После обеда мы с Натой остались одни. Богдана предупредил, чтобы мне доложили о появлении дикарей. Едва задремал, как меня тронули за плечо:

– Макс Са, Борд прислал воина, дикари уже здесь, – Богдан и Баск ждали ответа.

– Хорошо, идем! Посмотрим на них.

Я сполоснул лицо водой из медного таза и не вытираясь вышел из отведенного мне дома. Ната спала. Поручил ее охрану Баску: мы в своем городе, но осторожность не помешает.

Одна дверь в стене была открыта, группа из трех десятков дикарей принесла пять туш коз и двух оленей. Шел отчаянный торг, в основном посредством жестикующей. Акрам был готов отдать два средненьких по качеству ножа, но дикари хотели три. Дикари, окружив градоначальника, что-то втирали ему на неизвестном мне языке. К моему удивлению, Акрам неплохо владел диалектом местных, бойко отвечая. Семеро воинов, вооруженных луками, стояли наготове за спиной своего командира. С ближайшей башни еще четверо лучников держали торговую площадку под прицелом.

Мое внимание привлек один из гостей: мелкими шажками отбившись от торгующихся, он незаметно углубился вглубь города. Показав Богдану на дикаря, шепнул:

– Похож на лазутчика, да и светлее он, чем остальные. Понаблюдаем за ним, но упускать его нельзя, мне он нужен живым.

Акрам заметил нас: прервав торг, устремился ко мне:

– Макс Са, дикари принесли мясо. Мы же можем торговать с ними?

– Конечно, желательно не обижать их, не надо делать из них врагов. Ты продолжай, Акрам, я просто наблюдаю.

Окрыленный моими словами, градоначальник вернулся к дикарям, молча ожидавшим продолжения торга. Интересующий меня лазутчик тихонько прошел еще дальше, уже скрывшись за углом дома.

– Богдан, бери его в плен живьем. Только тихо, не надо привлекать внимание дикарей, не хотелось бы убивать кого-то. Или всех...

Бесшумно для своих габаритов Богдан стремительно исчез в переулке. Оттуда донесся сдавленный вскрик, заглушенный голосами дикарей и Акрама. Следовало спровадить покупателей, пока они не хватились потери.

– Акрам, уступи им, от их криков у меня разболелась голова.

Градоначальник без спора выложил три ножа: взвывая от радости, дикари похватили свою добычу и мгновенно ретировались через дверь, пока Акрам не передумал. На месте торга остались туши животных, лежащие на шкурах. Закрыв за ними дверь, воины закрыли массивный засов, возвращаясь к горе мяса. Акрам деятельно раздавал указания о дальнейшей судьбе мяса, поглядывая в мою сторону. Кивнул ему, одобряя действия: ему лучше знать, что делать с провизией.

Меня же интересовал лазутчик.

Вернувшись в свой дом, обнаружил пленного без сознания и стоящих рядом с ним Богдана и Баска.

– Богдан, просил же тебя аккуратнo!..

Присев, пощупал пульс: сердце билось нормально. После нескольких оплеух, дикарь заморгал, приходя в сознание. Он рванулся встать, но мощная длань Богдана пригвоздила его к каменному полу.

– Ты понимаешь меня? – спросил я пленного, у которого на темени выросла угрожающих размеров шишка. Ошарашенно оглядываясь, пленный залопотал на непонятном наречии.

– Может, позвать Акрама? – Борд появился так бесшумно, что я вздрогнул от его голоса.

– Ему не доверяю, нужен кто-то другой. – Я уже собирался послать за парочкой воинов на стене, они тоже вступали в контакт с дикарями.

– *Du verstehst mich?* (ты понимаешь меня) – голос Наты звучал невероятно красиво, хотя слова были угловатыми, ломаными.

– *Ich verstehe* (понимаю), – вырвалось у пленного, но после этих слов он замолчал. Напрасно Ната пыталась добиться от него сведений, пленный упрямо мотал головой, лепеча на непонятном языке. Больше получаса пленный хранил молчание: не помогли ни просьбы, ни угрозы.

– Макс Са, дай мне потолковать с ним,– прогудел низким голосом Богдан, выведенный молчанием пленника.

– Он мне нужен живым, помни об этом,– предупредил гиганта, потянувшегося к съевшемуся дикарю. Потянул за собой Нату на улицу: ей не надо видеть меры физического воздействия.

– Богдан будет применять насилие? – голос девушки был ровный, но небольшая неприязненность прослеживалась.

– Умеренное,– успокоил Нату,– ему надо развязать язык, у нас под боком собирается армия, а мы не имеем никакой информации.

– В наше время делали не так,– грустно сказала девушка, шагая рядом,– тебя помещали в нейрокапсулу и получали все ответы без какого бы то ни было насилия.

– Без насилия? – усмехнулся.– Трудно представить худшее насилие, чем вторгаться в чужие мысли, воспоминания, видеть всё, что происходило с человеком. А как же личное пространство, уважение к человеческому достоинству. Что с правом не свидетельствовать против себя?

– Так поступают только с преступниками,– растерялась от моего напора девушка.

– Преступник – не человек? А если произошла ошибка? Законы каменного века намного гуманнее, чем законы твоего времени,– на этот аргумент девушка промолчала.

Дойдя до окраины Мехика, мы повернули обратно. Баск шел в пяти метрах сзади, готовый прийти на помощь. Но это был город моей империи, жители уважительно кланялись, уступали дорогу.

– А знаешь, Максим, ведь ты не соврал,– нарушила молчание Ната.– Ты говорил, что я буду жить как королева. Мы даже не в Макселе, а чувствую себя как небожительница. Боюсь представить, что меня ожидает в столице,– настроение Наты улучшилось.

Хотел ее подколоть, напомним про подвал Патриарха, но не успел: Богдан, выйдя на улицу, усиленно махал руками. «Перестарался, убил!..» – мелькнула нехорошая мысль, но я ошибся.

– Он очень хочет говорить,– пряча улыбку, заявил гигант, едва я приблизился к нему,– и он немного понимает наш язык.

Вторая часть предложения Богдана мне не понравилась: одно дело наблюдать, и совсем другое – слышать разговоры воинов и градоначальника. Сколько секретов успел узнать лазутчик, какую информацию он успел передать Дитриху? Обуреваемый плохими предчувствиями, направился в дом, проклиная "христоверов", лишивших меня львиной доли военных возможностей.

Глава 6. Как всегда, дело в женщине

Пленный рассказал много: на его месте я бы сделал то же самое, не дожидаясь рукоприкладства Богдана. Левая рука дикаря была сломана в средней трети предплечья, а губы распухли так, что все фитоняшки, наверное, при виде его сошли с ума от зависти.

Дикаря звали Берг. Полукровка: мать из местных дикарей, а отец вел свое происхождение от немцев. Берг знал некоторые фразы на языке Русов. Но допрос пришлось вести на немецком, как ни хотелось мне оградить Нату от подобного зрелища. По мере рассказа пленного передо мной вырисовывалась очень неприятная картина: немцы вели разведывательную деятельность на протяжении уже нескольких месяцев. Небольшой отряд немецких воинов располагался в поселении дикарей племени Бано – в двух днях пешего хода от Мехико. Берг приходил в крепость не впервые. Кроме него, был еще один шпион, но в сегодняшней акции он не участвовал. Командовал немецким отрядом некий Ганс: по словам Берга, тот побывал в плену в Берлине и немного знал язык Русов. Именно ему пленник докладывал все результаты своих наблюдений.

Со слов лазутчика, Ганса очень интересовала численность гарнизона Мехика, прочность стен крепости, настроения среди воинов и их вооружение. Отряд самого Ганса насчитывал около трех сотен воинов и состоял из пятидесяти всадников и пеших воинов, вооруженных луками. Среди пеших воинов было десять человек, на вооружении которых имелся «топ». Из дальнейших расспросов удалось понять, что так дикарь называл ружье.

– Подожди, Ната, мне надо переварить полученную информацию. Триста воинов слишком мало, чтобы взять Мехик, даже при поддержке огнестрельного оружия. Либо пленник темнит, либо не владеет всей информацией.

Действительно, было от чего призадуматься. Идти в атаку тремя сотнями, в то время как Мехик защищает стена с установленными на ней пушками. Кроме воинов в городе проживало около полутора тысяч горожан, треть из которых вполне могут взяться за оружие. Слишком мало людей у штурмового отряда немцев, чтобы рассчитывать на успех. В Мехике находились на постоянной основе двадцать лучников, сорок пехотинцев и десять всадников. Это, не считая моего маленького отряда и пушкаря Нарма со своими учениками. Немцы либо сильно недооценивают силы Русов, либо сильно переоценивают свои возможности.

Даже если им удастся взять Мехик, – в чем сильно сомневаюсь, – их сил недостаточно, чтобы развить наступление на Берлин. Раненый у деревни Элтов говорил о Великой Армии, что собирается по приказу короля Дитриха. Как-то мало ассоциировалась у меня цифра «триста» со словосочетанием «Великая Армия». С другой стороны, это мог быть передовой штурмовой отряд, выдвинутый вперед. Такое вполне согласовывалось с тактикой нацистов времен Второй Мировой: элитные части захватывали плацдарм, а вермахт подтягивался позже.

– Ната, у меня подозрение, что немцам кто-то должен помочь попасть внутрь. Не верю, что этот передовой отряд собирается штурмовать в лоб. Давай, спроси его об этом, напирай на то, что нам известно о заговорщиках среди нас. Пусть поверит и выдаст их, если они имеются.

Девушка возобновила допрос после предварительной оплеухи Богдана. Голова пленного мотнулась так, что я испугался за целостность его шейных позвонков.

Периодически переводя сказанное Бергом, Ната продолжала терзать Берга. Но ничего ценного из пленника выудить не удалось. Всё время допроса у меня из головы не выходила мысль о градоначальнике Акраме: не вязалось его поведение в типичное для нормального человека. Он либо подторговывал, скрывая реальную ситуацию, либо был связан с дикарями как-то иначе.

«Жена! Его вторая жена – дикарка!» – от засвербевшей мысли в голове чуть не подскочил.

– Ната, спроси его про жену Акрама. Кто она, как появилась в крепости, из какого племени.

Это был выстрел в десятку: при упоминании жены Акрама Берт побледнел, сбился и что-то залепетал на дикарском языке.

– Ната, отдыхай, кажется, мы нашли главную жилу этой шахты,– смилостивился над уставшей девушкой.

– Пошли человека за Гураном, пусть придет со своими верными людьми,– выпроводил на улицу Богдана, кожей чувствуя, что близок к разгадке.

Гуран не заставил себя долго ждать, явившись со своими всадниками: цокот множества копыт по мостовой возвестил о приближении всадников брата Терса. Отведя в сторону Гурана, поделился своими подозрениями. Слушая меня, брат Терса несколько раз менялся в лице. Едва я закончил, смущаясь переспросил:

– Макс Са, возможно, ты ошибся? Акрам хорошо служил Берлину, как и его отец до него.

– Возможно, и ошибся, но мы можем это проверить и выяснить прямо сейчас. Нужно, чтобы сюда привели Акрама и его жену-дикарку. В нашей ситуации лучше перестраховаться, Гуран. Пошли своих верных людей, чтобы привели мужа и жену, у меня есть одна задумка.

Гуран дал указание своим людям, всадники моментально бросились исполнять поручение. Акрама и его жену доставили быстро. Практически не отставая от всадников, за ними спешили четверо воинов из крепости. На их лицах – мрачная решимость заступиться за своего военачальника.

– Макс Са, почему меня везут как дикаря,– обиженно завопил градоначальник, представ передо мной.

– Акрам, дело срочное, просто воины перестарались. Мне надо поговорить с твоей женой. Подожди здесь с Гураном, мы недолго.

Взволнованная дикарка, по местным стандартам писаная красавица, проследовала за мной в комнату, пугливо озираясь. Увидев пленного, женщина не смогла сдержать крик, кинувшись на пленного. При ее появлении лицо Берта исказила гримаса отчаяния и боли. Он заговорил на своем языке, но я дал знак Богдану увести женщину в другую комнату.

– Что это значит, Макс? – Ната выглядела обескураженной.

Отведя свою девушку в сторону, чтобы пленник не мог слышать наш разговор, поделился своим мнением:

– Думаю, она – его сестра, не исключено, что и жена. Акрам стал жертвой алчности и любви к женскому полу, я так думаю. Теперь твоя очередь, Ната: сейчас самый важный момент. Его надо убедить в том, что малейшая ложь или неверная информация,– и женщина будет сожжена заживо. Сможешь?

– Но ее же не будут жечь на костре? Поклянись, Макс!

– Клянусь, более того, я дам ей возможность уйти, если мы узнаем всё, что нас интересует.

– А ее муж? Он сможет уйти с ней?

– Если подтвердится его предательство, будет повешен. И больше ни слова о нем,– жестко осадил девушку. Закончив шептаться, вернулись к пленнику. На лице Берта читалось отчаяние.

– Скажи ему, Ната, что их замысел раскрыт. Это был хороший план: выдать дикарку за Акрама, усыпить бдительность и перетянуть его на свою сторону. Скажи, что Акрам и дикарка будут сожжены, но у него есть шанс спасти женщину. Что и как говорить дальше – на твое усмотрение.

Дикарь продержался недолго: спустя всего несколько минут он заговорил с такой скоростью, что Нате приходилось его останавливать. В его речи мелькали такие слова, как «штурм», «план», имеющие общее происхождение для всех европейских народов. Допрашивала его

Ната около десяти минут. За это время дважды выходил наружу, где в неизвестности томился Акрам. Чуть поодаль стояла группа его воинов: присутствие брата правителя Берлина охлаждало горячие головы. При моем появлении воины окончательно тушевались, старательно отводя глаза.

– Макс, я закончила, – появившись в дверях, Ната поманила меня рукой.

– Богдан, если почувствуешь неладное – прими меры, – достаточно громко для сторонников Акрама напутствовал своего телохранителя, входя вместе с Гураном в комнату.

Ната метнула взгляд на брата Терса:

– Говори всё, что узнала. У меня нет от Гурана секретов.

Дитрих, король двух немецких фюрляндов, оказался далеко непрост. Вместе с Гансом Мольтке, побывавшим в плену у Русов, они разработали гениальный план. Молодой немецкий король и не планировал атаковать Мехик в лобовую, предпочтя хитрую кампанию. Чем дальше рассказывала Ната, тем сильнее мрачнело лицо Гурана. Будучи еще очень молодым, брат правителя Берлина оказался достаточно умным, чтобы уловить всё коварство врага.

Узнав, что дикари, проживающие в окрестностях Мехика, торгуют с Русами, Дитрих решил этим воспользоваться. Для этого он внедрил двух полукровок в племя Бана, щедро одарив их железными ножами. С каждой группой дикарей непременно приходил один из лазутчиков, проводивший разведку. Оставив Ганса заниматься сбором информации, сам Дитрих переключился на формирование большой армии. Разведчики доносили Гансу количество воинов, состояние материала крепостной стены и даже расположение домов и улиц сразу за стеной. В одной из таких торговых сессий Берг взял с собой жену. Женщину заприметил Акрам, разгневанному Берту едва удалось сдержать себя в руках. Но этой информацией решил воспользоваться Ганс, убедивший Берта временно пожертвовать женой до взятия Мехика.

Оказавшись на ложе Акрама, Зира постаралась обработать градоначальника, постепенно внушая ему мысль о могущественном короле на севере. Акраму обещали Мехик в наследное владение и сохранение власти, но при условии помощи врагу.

План Дитриха и Ганса состоял в том, что во время одной из торговых встреч вместо дикарей придут воины Ганса, переодетые дикарями. Обычно, чтобы впустить дикарей и их трофеи, требовалось открыть одну дверь. От Акрама требовалось дать указание на открытие второй двери и уменьшить число воинов на крепостной стене. Штурмовой отряд Ганса должен был ждать сигнала к атаке, укрывшись в зарослях на самой опушке леса. Сигналом к атаке служило исчезновение воинов на двух башнях, расположенных у входных ворот. По плану Ганса именно Акрам должен был спустить воинов со стены под предлогом помощи занести туши убитых животных.

Воины, переодетые дикарями, должны были наброситься на стражу Мехика, едва та спустится со стены и станет уязвимой. Одновременно штурмовой отряд Ганса, планировал преодолеть триста метров, разделяющие крепость от леса, и ворваться внутрь. При соотношении сил один к пяти дальнейший исход схватки был весьма предсказуем. Задержка исполнения этого плана была вызвана колебаниями со стороны Акрама: потакая торговле и прикрывая врага, он не решался сделать последний шаг. При предпоследней торговой встрече предатель дал окончательное согласие второму шпиону. Сегодняшняя встреча была последней перед штурмом, так сказать, генеральной репетицией. Подвело Берта любопытство и чувства к жене: ему хотелось увидеть, где расположен дом Акрама.

– Макс Са! Можно мне убить Акрама? – Гуран кипел гневом, его ноздри хищно раздувались. – Надо послать гонца к брату, нам нужно подкрепление.

– Подкрепление нам нужно, но убивать Акрама рано, надо подумать, как его использовать против немцев. Пусть его приведут, мне надо задать ему пару вопросов.

Еще во время рассказа Наты в голове начал формироваться план. Пока это только наметки, надо было всё взвесить и рассчитать.

Акрам зашел в комнату в сопровождении Богдана и Баска. Увидев пленного, он всё понял: его рука схватилась за нож на поясе, но оружие у него отобрали, а самого поставили на колени, фиксируя за плечи.

– Что ты скажешь в свое оправдание? – Предатель проигнорировал вопрос, бешено пытаясь вырваться.

– Ната, приведи Зиру, одного она разговорила, посмотрим, как разговорит второго.

Дикарка зашла за Натой, не смея поднять глаза. Увидев ее во второй раз, вынужден был признать в душе: молодая женщина – истинная красавица. Именно так выглядят девушки на рекламных проспектах Таити и Микронезии.

– Зира!.. – попытался рвануться к дикарке Акрам.

– Не дергайся, – Богдан припечатал кулак в голову предателя, заставив того смолкнуть.

– Я сожгу на костре твою Зиру, а тебя заставлю подбрасывать дрова, – пригрозил Акраму, игнорируя возмущенный возглас Наты.

– Пощади ее, Макс Са, – взмолился коленопреклоненный предатель, – сожги меня, Берта, а ее – пощади.

– Может, и дарую ей жизнь, всё зависит от тебя, – закинул наживку.

Акрам хватался за любую соломинку:

– Я сделаю всё, что скажешь.

– Макс Са, дай мне убить его! – взбешенный Гуран выхватил свою саблю.

– Не сейчас! У меня есть план. Есть ли в городе тюрьма, подвал, острог где можно несколько дней подержать наших пленных?

Вопрос задавал Акраму, но ответил Гуран:

– Есть! Только не понимаю, зачем их кормить и держать в подвале.

– Поймешь, всему свое время. Баск, позови сюда воинов Акрама, пока они не решили, что их командира убивают. Акрам, – обратился к бывшему градоначальнику, – сейчас сюда зайдут твои воины, признаешься им, что ты – предатель и перешел на сторону врага. Сделаешь это – сохраню жизнь Зире.

– Сделаю, – обреченно проронил раздавленный командир, в одну секунду лишившийся всего.

Баск вернулся с делегацией из пяти воинов: увидев своего командира на коленях, двое судорожно сглотнули, руки непроизвольно потянулись к ножам.

– Русы, – привлек я внимание воинов, – перед вами на коленях – предатель, ваш бывший командир Акрам. Он перешел на сторону врага и собирался открыть им ворота, чтобы враг захватил Мехик.

– Это правда, – глухо подтвердил Акрам, не поднимая головы.

– Но это должно остаться между нами, враг не должен понять, что мы узнали о предательстве. Кто из вас старший?

– Я, Макс Са, – склонил голову воин со шрамом на всё лицо.

– Как тебя зовут?

– Нгха.

– Отныне тебя зовут Шрам, запомни! Это имя тебе дает сам Макс Са. Увеличь число воинов на стене и пусть все остальные тоже будут в готовности. Будешь отчитываться мне и Гурану.

– Хорошо, Макс Са, – приложил правую руку к груди новоявленный командир.

– А теперь иди и смотри, чтобы не разошлись слухи о предательстве Акрама. Ты меня понял?!

– Ната, уведи Зиру, Баск, проследи, чтобы она не могла убежать. Этого, – указал на лазутчика Берта, – тихо прикончить и труп утопить в болоте. Акрама в темницу или в подвал, и чтобы охрана была из твоих людей, Гуран.

– Когда следующая встреча с дикарями?

Акрам дернулся, но ответил:

– На следующий день после полной Луны.

Когда предателей увели, я поспешил удовлетворить любопытство Гурана:

– Наши враги замыслили для нас ловушку, а мы их самих поймаем. Используем их план против них самих.

– Как, Макс Са? Мы пошлем к ним лазутчика? А как наш рейд, мы же хотели сжечь их деревни и убить много врагов? – Гуран весь подрагивал в ожидании ответа.

– Необходимости в рейде нет, пара десятков сожженных домов нам ничего не даст, кроме повышения мобилизованности врага. Пусть враги думают, что всё идет по их плану. Боюсь, исчезновение Берта насторожит Ганса, но придется довериться интуиции. Каменный век, с любым воином может случиться неприятность. Будем надеяться, что и Ганс рассуждает именно так, другого выбора у нас нет. Не думаю, что он станет менять тщательно спланированную операцию из-за пропажи одного лазутчика. Немецкая генетика и пунктуальность должна работать, это не русские, что импровизируют на ходу.

Гуран с открытым ртом выслушал мой монолог, едва ли поняв половину сказанного. Надо было удовлетворить любопытство парня, пока его не разорвало.

– Гуран, мы сделаем вид, что не знаем о предательстве. На следующий день после полнолуния Акрам откроет обе калитки, чтобы дикари могли занести животных.

– Но это же будут не дикари, а наши враги, – вскричал Гуран, теребя рукоять сабли.

– Знаю, – невозмутимо продолжил рассказ, – воины спустятся со стены, чтобы помочь им занести туши. Тем самым мы подадим врагу сигнал, что можно атаковать.

– Они побегут атаковать, а наши воины поднимутся на стены, а калитки мы закроем, – радостно перебил меня Гуран, едва не хлопая в ладоши.

– Нет, мы дадим им ворваться внутрь, и лишь потом закроем ворота. Враги окажутся в западне.

– Зачем их впускать, Макс Са? – растерянно спросил брат Терса, судорожно сглотнув.

– Чтобы ни один из врагов не смог уйти живым. Думаю, потеря трех сотен отборного отряда надолго охладит пыл Дитриха, заставит его искать варианты для переговоров, – улыбнулся в лицо озадаченному Гурану, искусавшему губы до крови.

– Сейчас самое главное – послать гонца в Берлин к Терсу: нам нужны еще минимум пара сотен воинов, и особенно – арбалетчики.

– Я подберу человека, – Гуран двинулся к выходу.

– Нужно, чтобы поехал ты. Никто другой не сможет убедить Терса остаться в Берлине. А он там очень нужен. Непокойно мне, Гуран, всё время ожидаю нападения со стороны сатанистов.

– Я понял, Великий Дух, возьму с собой двоих людей и отправлюсь прямо сейчас.

– Передай Терсу мои слова: пусть готовится отражать нападение сатанистов. И ни в коем случае не покидает Берлин!

– С нами Великий Дух Макс Са, нам не страшен никакой враг, – улыбнувшись, как мальчишка, Гуран вышел, оставив меня ломать голову, как соорудить хитроумную мышеловку для отряда Ганса.

Глава 7. Противостояние

Дитрих расхаживал по тронному залу, меряя шагами комнату. Отряд, посланный к атлантическому побережью поздней весной, не вернулся. Тридцать обученных воинов под командованием Свена Пруста не могли исчезнуть просто так. Прождав июнь и июль, молодой правитель фюрлянда отправил поисковую экспедицию: такими людьми, как Пруст, разбрасываться было нельзя. Поисковая экспедиция дошла до океана, но следов первого отряда не обнаружила. Потратив на поиски почти два месяца, экспедиция под командованием Нормана Крюге вернулась с пустыми руками. Как ни прискорбно, но Дитриху пришлось смириться с мыслью о безвозвратной потере Свена Пруста и тридцати его воинов.

После первоначальных успехов в деле производства стали для пушек наступил ожидаемый процесс стагнации. Его инженеры и кузнецы не могли добиться улучшения баллистики. Увеличивая длину пушечного ствола, удалось достичь дальности выстрела в четыреста метров. Инженер Лерниц высказался о невозможности увеличения дистанции выстрела при существующих технологиях. Дитрих вспомнил, как стойко выдержал Лерниц его вспышку гнева, ни один мускул не дрогнул на лице инженера.

Со слов Лерница, увеличения дальности выстрела можно добиться двумя способами: изготовлением унитарных зарядов, не допускающих выхода части пороховых газов впереди ядра, или использованием нарезов в стволе пушки. Но все они недостижимы в настоящее время: Лерниц просил два года для изготовления унитарных боеприпасов и пушек, заряжающихся с казенной части. Образец был: снятая с субмарины пушка, уже больше ста лет хранившаяся в фюрлянде. Но не было даже образца снарядов, все знания основывались на записях предков и редких книгах, переживших их хозяев.

Не сильно продвинулись Огюст и Лерниц в изготовлении огнестрельного оружия для воинов. Первая десятка "топов", – Дитрих не знал кому в голову пришла идея так назвать ружья, – была передана отряду Ганса, находившемуся недалеко от цитадели врага. По одной версии, слово «топ» было восклицанием дикарей, услышавших ружейный выстрел. Стволы для ружей приходилось ковать вручную, сваривая их кольцами для достижения необходимой прочности. Зарядание – со ствола, но здесь дело обстояло куда легче, чем с пушками. Для зарядания огромных пушек, что отливались в фюрлянде, требовалось несколько человек.

Меткость таких ружей оставляла желать лучшего, но главным было пробивное действие: круглая пуля пробивала доспехи его воинов. Следовательно, пробьет и доспехи Русов, со слов Ганса, доспехи их врага не сильно отличались от экипировки дойчей.

Первоначальный план – обрушиться всей массой на пограничный городок и смять его гарнизон Дитрих изменил после того, как наткнулся на записи Адольфа Эрста, описывавшего Великую Войну. Его предок писал, что хитрости на войне надо отдавать больше предпочтения, нежели грубой силе и напору. Ганс Мольтке побывал в разведке, где, взобравшись на горные вершины перед крепостью, оценил вероятность штурма пограничного городка Русов.

– Будут большие потери, мой король, – доложил его надежный товарищ, вернувшись из разведки. – Проход в страну Русов преграждает высокая стена, упирающаяся в отвесную скалу.

– Обойти ее нельзя? – Дитрих не любил ответ «нет». Ганс был не из робкого десятка, да и дружили они с детства.

– Нет, мой король. Второй конец стены уходит в озеро. Собственно, само озеро – это часть болот, что простираются вокруг него. Болота страшные, я потерял двоих воинов, сунувшихся в них. Эти Русы коварны, они выстроили стену так, что ее нельзя обойти. Крепость надо брать, но будут большие потери.

Дитрих помнил этот разговор до мельчайших подробностей. И не забыл, как совершенно случайно перед ними открылась лазейка завладеть неприступной крепостью.

– И что, они там сидят за этой стеной вечно? Им есть, охотиться, сажать хлеб не надо? – грохнув кулаком по столу, дал он тогда выход своим эмоциям. Но ответ Ганса заставил его вскочить от радости.

– Дитрих, – Ганс мог позволить себе обратиться к королю по имени, – там местные дикари им приносят животных в обмен на безделушки.

– Какие безделушки?

– Железные ножи отвратительного качества, кузнецы у них явно не самые лучшие, – пренебрежительно отозвался Мольтке вставая.

Ганс уже дошел до двери, когда Дитрих окликнул его:

– Вернись, Ганс, я придумал, как нам взять эту крепость, запирающую выход в земли Русов.

– Расстрелять пушками и пойти в атаку? – предположил Ганс, возвращаясь к королю.

– Нет, мы сделаем иначе: твои отборные солдаты проникнут внутрь под видом дикарей, вступят в бой и откроют двери для остальных воинов. Надо всё продумать, торопиться не будем, у нас один шанс, и его надо использовать сполна.

Они просидели тогда до поздней ночи, обсуждая все варианты. Отправляя Ганса с отборным отрядом к границе, Дитрих дал Гансу свободу действий. Мольтке мог самостоятельно доработать или изменить план и самостоятельно выбрать время для его успешного исполнения. Отборный отряд, включавший в себя десять обладателей «топов», двадцать всадников, – пятую часть всей конницы фюрлянда, – и более двухсот пеших воинов, ушел к границе почти два месяца назад. За это время Ганс прислал всего одну короткую весточку: «Мой король, всё идет по плану. О сроках атаки сообщу дополнительно».

Усевшись в кресло, Дитрих мысленно обратился к неведомому Макс Са, чьими детьми себя считали Русы. Со слов Ганса, побывавшего в плену Русов, Макс Са у них не то Бог, не то посланник Бога. Из разговоров Русов, что смог понять Мольтке, этот самый Макс Са ушел на небо, но обещал вернуться. И случилось это, судя по всему, во времена, когда его предок Адольф Эрст попал в эти края.

"Очередная сказа про Великого Шамана«, – усмехнулся Дитрих, перелистывая рукописные труды своего предка.

Осторожно постучав в дверь, заглянул Карл, начальник дворцовой охраны:

– Мой король, есть донесение от Мольтке.

– Неси сюда, – вскочил с места Дитрих.

Разорвал кожаную тесьму и развернул лист грубого пергамента.

Короткое послание гласило: «На следующий день после полнолуния. Твой друг и подданный Ганс Мольтке».

– Карл! – заорал Дитрих. Перепуганный начальник охраны влетел в комнату, обнажая саблю.

– Зови Фрица Лейбнера, нам надо обсудить военную кампанию.

Карл выскочил за дверь, а Дитрих аккуратно сложил донесение Ганса среди остальных бумаг. До этого пограничного городка около восьми дней пути. С учетом обоза и пушек, это дней десять. А полнолуние – примерно через неделю.

– Нельзя терять ни минуты, чтобы прибыть вовремя, – пробормотал себе под нос молодой король, – воинам после победы нельзя долго бездействовать, иначе они теряют желание сражаться.

Эту великую мудрость он вычитал в книге своего предка. Была там еще одна запись, но о ней Дитрих сейчас не думал, погружившись в размышления о близкой победе и молниеносном наступлении. Стояла середина октября, до сезона дождей оставались считанные недели.

– Надо закончить войну до середины ноября, – сам себе установил срок будущий завоеватель, зевая в ожидании своего военного министра. Он спланировал то, чего так страстно

хотел его великий предок – достижение мирового господства. Первыми покорит Русов, расставит по всему миру свои форпосты, чтобы его потомки могли контролировать развитие племен дикарей. Нельзя допускать развития иных цивилизаций, кроме дойчей. Это противостояние с целым миром, но в душе молодого короля бурлила горячая кровь, не давая трезво мыслить. Вторая мысль в хрониках его предка гласила, что нельзя оставлять врага недобитым.

– Не оставлю, великий Адольф, не оставлю, – прошептал потомок нацистов, замороженно смотря на огонь в камине, где ему чудились битвы и сражения.

От глубоких размышлений его отвлек Фриц Лейбнер.

– Мой король!.. – вошедший почтительно склонился.

– Фриц, каковы наши силы на настоящий момент? – Дитрих сразу перешел к делу.

– Больше двух тысяч обученных пеших воинов, две сотни лучников, около пары десятков стрелков проходят обучение. Есть еще две сотни всадников, – закончил подсчет Лейбнер.

– А пушки?

– Десять малых и две большие, – мгновенно ответил военный министр на вопрос короля.

– Мы выступаем на юго-запад, к землям Русов. Оставь небольшое количество воинов для охраны дворца и наших городов, все остальные послезавтра должны быть готовы выступить.

– Мой король!.. – открыл рот Лейбнер, чтобы возразить.

– Фриц, я всё сказал, можешь идти, – пресек его попытку Дитрих.

После ухода Лейбнера он достал «Хроники IV Рейха», открыл на чистой странице и вывел красивыми буквами: «Начало завоевания мирового господства».

* * *

Патриарх Никон мог считать себя счастливым человеком: он был единственным из ныне живущих в Макселе, кто еще помнил «отцов-основателей». Образ деда в памяти потускнел, но усилием воли Никон мог представить себе бородатое хмурое лицо своего деда. Тот был совсем молодым, когда попал в этот мир. Он взял на себя функции Патриарха, женив своего брата на местной правительнице. За многие десятки лет преследований секта «Новый Израиль», или «Христоверы», наконец обрела свой новый дом, не боясь притеснений.

Никон любил выспрашивать у старого умирающего деда подробности тех времен, когда " христоверы" оказались на новой земле. Уже перед самой смертью дед Алексей, доживший до ста лет, рассказал Никону, что всю жизнь боялся возвращения Макс Са. Этот мифический персонаж имел силу среди Русов даже спустя сто пятьдесят лет своего отсутствия.

Никон знал со слов деда, с какими трудностями пришлось столкнуться «отцам-основателям», высадившимся в этой благодатной местности. Аборигены говорили на искаженном русском языке, отказываясь принимать новую веру. Спустя десять лет бесплодных попыток Алексея Гаврилова, дед Никона, пошел на беспрецедентный шаг, объявив Макс Са сыном Иисуса. Это не сразу, но дало результат: ряды " христоверов" начали пополняться Русами, которым возвышение статуса любимого Макс Са очень понравилось.

Но были и те, кто яростно продолжал сопротивляться нововведению. Первоначально, во времена Алексея Гаврилова, первого Патриарха, их просто не трогали. При отце Никона сектантов «Возвращения» выселяли из городов, чтобы они не мучили народ. Никон, унаследовав титул Патриарха, первый десяток лет продолжал политику отца, выселяя сектантов из населенных пунктов. Спустя время он понял, что эта тактика была ошибочной: создавались целые анклавов, где не признавался Иисус. Тогда Никон поменял тактику, сажая сектантов в тюрьмы и обрекая их на рабский труд на рудниках.

Всё эти репрессии давали обратный эффект, усиливая недовольство Русов. Первого сектанта приговорил к сожжению суд Будилихи ровно десять лет назад. Вначале сожжения были часты, но с каждым годом их становилось меньше. Всё меньше оставалось желающих прилюдно заявить, что Макс Са вернется, и что Он – Великий Дух, а не сын Иисуса. Сектанты еще оста-

вались среди Русов, в этом Никон не сомневался, но то, что они боялись выступать прямо – было хорошим знаком.

Прожив долгую обеспеченную жизнь, Никон был готов к смерти, считая, что существованию "христоверов" ничто не угрожает. Еще пара поколений, и про Макс Са можно забыть, предать его забвению. Единственное, что беспокоило патриарха, – так это неумение его сына Синода держать себя в руках. Вспыльчивый, он уже успел натворить немало дел. Никон знал, о воровстве из казны, но прощал это единственному сыну. Простил и смерть семьи своего счетовода Лутова, сгоревшего вместе с семьей.

Но не суждено было Никону умереть спокойной старостью: из Будилихи привезли странного сектанта. Патриарх хорошо разбирался в людях, а сопоставив рассказ Максима Серова, – так представился молодой крепкий парень, – со словами деда, понял, спокойной смерти ему не видать. Борясь с совестью, он принял единственное верное решение, устранить угрозу существованию «христоверов», поручив Синоду утопить Максима и женщину, которая была вместе с ним. Но Синод и здесь опростоволосился, позволив сбежать мифическому Макс Са. Трупы охранников обнаружили быстро, стрела была местного изготовления, даже быстро вышли на кузнеца.

Под страхом сожжения на костре кузнец выдал покупателя, но дом парня по имени Баск оказался пуст. Бросив всё силы на поиски беглецов, Никон упустил из виду порт. Вспомнив о морских воротах, послал туда отряд. С момента бегства Макс Са из порта Макселя ушло всего одно судно – берлинская торговая шхуна. За ним отрядили один из лучших парусников Макселя с требованием досмотреть судно, и при обнаружении Максима Серова убить на месте.

А дальше начались чудеса: судно не вернулось и было обнаружено в семидесяти километрах от Макселя практически полностью сгоревшим. Спаслись два члена экипажа, клятвенно заверявшие, что мужчина, которого им предстояло убить, на их глазах метнул молнию правой рукой. Все попытки инквизиции "христоверов" переубедить спасенных в невозможности такого наталкивались на иступленные крики двух матросов, клявшихся в своих словах. Никон отдал приказ убить обоих, живые они принесли бы столько вреда, что от одной мысли об этом Патриарх начинал задыхаться.

Не дал результата ультиматум правителю Берлина Терсу: проклятый безбожник не испугался войны, объявив о выходе из подчинения Макселю. Его внучатый племянник император Тихон и сын Синод кипели гневом, требуя организовать военную экспедицию и покарать как Макс Са, так и правителя Берлина. Никону пришлось дважды повысить голос, чтобы заткнулись оба. Сейчас он ждал прихода императора и сына, предстояло обсудить полученные от информатора сведения. Патриарх сумел внедрить несколько своих людей в Берлин, одного даже сумел пристроить во дворец Терса.

Данк заботливо подбил ему подушку, усадив Никона поудобнее. Этот огромный и с виду страшный человек всецело был предан ему душой. Данк родился на его глазах, до него в личной охране Патриарха был отец Данка, а еще раньше дед. Дед Никона рассказывал, что на окраине города встретил предка этих огромных страшных людей. Взял его к себе, кормил, заботился. Так появилась династия Данков, являвшихся личными телохранителями Патриархов.

Первым пришел Синод. Поцеловав руку отца, присел на стул, поигрывал рукоятью украшенного кинжала. Император Тихон IV явился спустя почти полчаса. Император приходился внучатым племянником Никону, линия младшего брата его деда не отличалась долгожительством. Формально главой империи был император, хотя реальная власть была в руках Патриарха.

– Дети мои, – слабым голосом начал Никон, – я получил весточку из Берлина, потому и вызвал вас. Сектант, называющий себя Макс Са, отбыл с небольшим отрядом в городок Мехик и прислал оттуда гонца к Терсу с требованием подкрепления.

– Самое время напасть на Берлин, отец, – перебил Никона Синод.

Укоризненно взглянув на сына, Патриарх продолжил:

– Мне удалось узнать, что проклятый чужеимец в некоторых вещах говорил правду. На севере есть сильное государство немцев, и, судя по всему, они идут войной в нашу сторону. С одной стороны, Русы одной крови с нами, но Берлинцы – безбожники, не признающие нашего Господа. С другой стороны, – и это информация достоверная, – немцы – христиане, хотя и лютеранского толка. Кто нам ближе – Брат по крови или брат во Христе?

Никон устало откинулся на подушку. Молчание нарушил император Тихон: будучи всего на год старше Синода, он отличался редкостной логикой.

– Отец наш Никон, я думаю – нам ближе тот, кто может победить в этой войне.

Губы Патриарха тронула слабая улыбка: из рассудительного Тихона и вспыльчивого Синода получился бы хороший правитель, возжелай Господь соединить их характеры в одном человеке.

– Нам никто из них не ближе, – возразил Синод, – одни – безбожники, вторые – люди чужой крови. Надо напасть на Берлин и прибрать его к рукам, а потом, – он сделал паузу, ловя реакцию отца, – выступить против немцев, чтобы никогда не ступала их нога на землю русскую.

– Брат мой, Синод, – император встал и прошелся по комнате, – не лучше ли нам их оставить пока в покое, пусть воюют друг с другом. А мы потом обрушимся на победителя и приберем всё к рукам.

Никон открыл глаза: он услышал то, ради чего пригласил племянника и сына.

– Мы подождем, если Берлин не падет под ударом немцев, заключим соглашение с немцами. Макс Са для нас опаснее чуждых по крови. Если Берлин падет – тогда мы придем на выручку Русам и будем спасителями для них. Это приведет безбожников к нам, к нашему Господу и посрамит проклятого чужеимца. А сейчас оставьте меня, я очень устал. Данк, проводи моих детей и дай мне воды, – Никон смежил глаза, давая понять, что разговор окончен.

Прислушиваясь к шагам в коридоре, он пожалел, что Синод не отличается благоразумием Тихона. Именно рассудительность и выдержка потребуется "христоверам" в этом странном противостоянии, что началось с появлением Максима Серова.

Глава 8. Мышеловка

Берга, лазутчика немцев, убили тихо и без шума. Ночью его труп следовало притопить в болотах. Зира и Акрам были посажены в подвал с надежной охраной. Гуран отбыл с двумя всадниками в Берлин, чтобы вернуться с подмогой. С собой они по моему совету взяли запасных лошадей: до полнолуния оставалось примерно девять дней, за это время следовало сделать многое. Я хотел избежать долгой и кровопролитной войны с немцами. Для этого следовало ошеломить противника, вселить в него неуверенность, создать иллюзии своего невероятного могущества и силы. Этого можно добиться, уничтожив отборный отряд Ганса и послав выжившего пленного к Дитриху. Любой монарх должен задуматься о целесообразности дальнейшей войны, если твой лучший отряд перемальвают в щепки.

Шрам, новоявленный командир воинов Мехика, а также Богдан, Баск и Борд сопровождали меня повсюду. Первым делом я оценил вместимость пространства сразу за стеной с нашей стороны. Со слов Берга, в отряде Ганса было около трехсот человек. Чтобы уничтожить их всех, мне надо дать им возможность пройти за стену и запереть их внутри города, лишив возможности бегства. Но площадь за стеной до первых домов не могла вместить такое количество людей: мешали три частных дома и одна небольшая казарма.

– Шрам, собери свободных воинов и простых людей, надо разобрать всё эти дома.– Шрам не стал задавать вопросов, вместо него это сделал Борд.

– Макс Са, зачем их разбирать?

– Нам нужно, чтобы все враги смогли войти внутрь стены, прежде чем мы закроем ворота. Если дома не убрать, они просто здесь не поместятся.– пояснил командующему Берлина, мысленно осматривая место, где придется строить баррикады.

Если возвести высокие баррикады между домами, немцы попадут в замкнутое пространство. Их можно будет безнаказанно расстреливать, укрываясь в башнях на стене и за баррикадами. Нужен был еще элемент для внесения сумятицы в их ряды, заставив забыть о первоначальных планах.

Мимо прошествовал пушкарь Нарм со своим отрядом из семи человек.

– Нарм, шьют мешки для картечи? – окликнул я парня.

– Да, Макс Са.

– Как проходит обучение? Ты решил вопрос с мерником?

Получив утвердительные ответы на оба вопроса, отпустил парня. Глядя в спину грамотному парню, пожалел об отсутствии Бера. Бер со своим спецназом мог бы зайти с тыла атакующим немцам, внося сумятицу в их ряды, обрушившись как гром среди ясного неба. «Как гром среди ясного неба!» – повторил про себя и радостно вскрикнул: надо в баррикадах установить пушки, заряженные картечью. Когда враг ворвется внутрь, выстрелы в упор просто проложат ряды среди такого количества врагов. Вот и сумятица, и гром среди ясного неба. Стоял вопрос с воротами: как их закрыть, не рискуя людьми.

Шрам собрал воинов и горожан, приступая к разборке домов.

– Переселишь людей из этих домов в другие, потом построим им новые. А бревна и камни тащите сюда.– указал на место, где планировалась первая баррикада.

К крепостной стене выходили три улицы: перекрыв проход между улицами, можно было получить вторую стену, куда не смогут пройти враги. Если поставить еще две баррикады с боков, то получится большой прямоугольник длиной триста метров и шириной примерно в сто.

Рассадив лучников и арбалетчиков за баррикадами, будем в упор отстреливать врагов, оказавшихся в окружении. По-прежнему оставался вопрос, как закрыть ворота: хлынувшая масса немцев просто не позволит приблизиться к ним. Вопрос с воротами меня беспокоил конкретно: если ничего не придумать, часть врагов просто обратится в бегство. Добравшись

до леса, они окажутся в выигрышном положении, разя преследующих Русов из-за укрытий. Чтобы мышеловка сработала, нужно, чтобы всё работало как часы.

Именно слово мышеловка и натолкнуло меня на решение проблемы ворот: нужно сделать железные решетки. И придумать конструкцию, чтобы решетки падали сверху, намертво закрывая выход. Пока Шрам с воинами и привлеченными горожанами разбирали дома, переносил строительный материал на улицы и складывая его там, чертил на земле решетки перед двумя местными кузнецами. То ли кузнецы были тупые, то ли я сам не отличался острым умом – меня упорно не понимали. Позвав Борда, попробовал объяснить ему принцип падающей сверху решетки, наглухо закрывающей проход. Борд сразу ухватил суть и показал мне, как иногда надо достучаться до местных, отвесив звонкие оплеухи кузнецам.

После оплеух кузнецы разом поумнели, предлагая свои варианты решения проблем. Всё дело оказалось в том, что местные любители ковать железо просто не хотели заниматься этим делом в то время, как у них были заказы. Вот и валяли дурака, изображая непонимание. После воспитательной работы Борда проблем с недопониманием не возникло. Кузнецы оказались знакомы с таким вариантом: нечто подобное использовалось для ловли животных живьем. Дверца клетки устанавливалась на распорку, животное задевало распорку, и тяжелая дверца закрывалась, скользя по направляющим.

– С утра займитесь этой работой, как вернется Гуран, он оплатит ваши труды и материал, – мои слова оказались кстати, кузнецы повеселели, обещав управиться с работой за пару дней.

К концу первого дня подготовки к вторжению мы сумели разобрать всё три дома, начав возводить баррикады. Надо было предусмотреть в них бойницы для пушек, пусть каждая делает всего по одному выстрелу, этого будет достаточно. Остальное довершат лучники и арбалетчики, если за это время в Берлине не положили на мои слова про изготовление арбалетов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.